

УДК 94 (47+ 57) «19»
ББК ТЗ (2) 522/53
К 82

Русское самодержавие в творчестве П.Н. Милюкова: к вопросу о законности власти: монография / Г. С. Криницкая. – Томск: Томский государственный университет. 2017. – С.120.

Рецензенты: док. ист. наук, проф., заслуженный работник высшей школы **В.В. Кузнецов**; док. ист. наук, доц. **Р.В. Шежинский**.

В монографии рассматриваются правовые основания русского самодержавия как формы политического устройства России в исторической концепции П. Н. Милюкова. Раскрывается несостоятельность социологического метода исследования, равно как и самой социологии как науки. Главное внимание автор уделяет результатам использования Милюковым социологической методологии при анализе им истории возникновения и развития государственного строя России.

Для историков, философов, юристов, филологов и всех, кто интересуется историей России.

Охраняется законом «Об авторском праве»

Министерство образования и науки
Российской Федерации
Томский государственный университет

Г. С. Криницкая

**Русское самодержавие
в творчестве П.Н. Милюкова:
к вопросу о законности власти**

монография

Томск
2017

ПРЕДИСЛОВИЕ

Милюков Павел Николаевич (1859 - 1943гг.) – известный политический деятель, лидер Конституционно-демократической партии, Министр иностранных дел в первом составе Временного правительства России вошел в отечественную историографию как специалист в области русской общественной мысли и автор значительного количества публицистических работ по различным вопросам русской истории.

Небольшая, но чрезвычайно показательная с точки зрения методологии истории работа П. Н. Милюкова «Исконные начала» и «требования жизни» в русском государственном строе» вышла в 1905 году, когда едва ли не все крупнейшие русские историки завершили своей творческий и жизненный путь, чем не преминул воспользоваться П.Н. Милюков (наука, как и природа, не любит пустоты), самочинно именуя себя историком первой величины. И вскоре все общественные науки, в том числе и история, по образному выражению О. Мандельштама, «вместе шарили по звездному небу... своими методологическими щупальцами, не встречая сопротивления в мягкой, отвлеченной пустоте»¹. Результат сказался быстро: по мнению историка начала XX века В. Мякотина, Милюков чувствовал себя «хозяином всюду, охватывал все, что было сделано исторической

наукой до него... он стоял на высоте современных достижений истории»².

Столь же высокую оценку творчества Милюкова в начале XXI века дает и доктор исторических наук М. Г. Вандалковская. По её мнению, Милюков «внес существенный вклад в историю исторической науки», и в итоге она приходит к выводу о том, что все опубликованные материалы Милюкова «будут способствовать не только знакомству с лучшими образцами отечественной историографии, но и повышению профессионализма современных ученых». Более того, М. Г. Вандалковская считает, что Милюков «создал уникальные труды по истории исторической науки. Он обладал редким сочетанием исторической и философской подготовки, особой склонной к теоретическим обобщениям, умением широко и объемно мыслить, соединять анализ и синтез в научном исследовании ...»³. Таким образом, историки либерального направления начала XX и начала XXI веков дают одинаково высокую оценку творчества П. Н. Милюкова.

Но стоял ли действительно Милюков «на высоте современных достижений истории» и действительно ли его исторические труды «принадлежат к лучшим образцам отечественной историографии»?

Как показал наш анализ его творчества, основанного на социологическом методе исследования истории, Милюков не создал ничего «уникального», никаким умением «широко и объемно мыслить» не обладал. Не обладал он и «редким сочетанием исторической и философской подготовки», равно как и другими качествами «крупного профессионала историка». В целом, с нашей точки зрения, Милюков не только не стоял на высоте достижений современной

ему исторической науки XIX – начала XX вв., но, напротив, он опустил её на самый низкий уровень по причине использования им социологического метода в своих исторических сочинениях.

Однако симптоматично, что сегодня, в канун столетия со дня Октябрьского государственного переворота в отечественной исторической науке появились откровенные апологеты метода исторического исследования П. Н. Милюкова, в авангарде которых идёт В. В. Шелохаев. В. В. Шелохаев, также как и Милюков, поставленный на пьедестал «хозяина» в направлении выбора методологии современной исторической науки, в своем «Предисловии» коллективной монографии – «Реформы России с древнейших времен до конца XX века» (2016), оценивая данную работу, пишет: «Что же касается реформаторских преобразований последнего двадцатилетия, то они заслуживают специального исследования, использования иных теоретических и методологических подходов, применяемых прежде всего в социологии. Теоретические методы исследования, которые используют авторы данного труда, больше не соответствуют тем периодам, которые полностью завершили цикл своего развития»⁴. Таким образом, Шелохаев бросил вызов современной отечественной истории, заявляя о необходимости подчинения исторической науки социологическому методу исследования.

Не трудно представить, в какое изумление пришли отечественные (и не только) историки, ознакомившись с «открытием», сделанным В. В. Шелохаевым. Отсюда – актуальность избранной нами темы.

Начнем с социологии. Социология в русской историографии XIX начала XX вв. никогда не считалась

наукой, поскольку таковой не является по своей природе: она не имеет ни собственно своих законов, ни собственно своих фактов, открыто паразитируя на данных исторической науки. Правда, в конце 50 – х годов XX века ей удалось проникнуть в ряды научных дисциплин, но ненадолго: уже в середине 1960 – х годов социология была вычеркнута АН СССР из списка научных дисциплин. И не случайно.

Являясь химерой по своей сути, не имеющей каких-либо оснований считаться наукой, социология потому и была востребована Милюковым, поскольку её так называемый «метод», игнорируя исторические факты, исторические законы и логику истории, позволяет совершенно произвольно, а, следовательно, ложно трактовать процесс исторического развития. Полный произвол и научную несостоятельность социологического метода исследования убедительно доказал в свое время Б. Н. Чичерин и П. И. Новгородцев. Социология, утверждал, например, Б. Н. Чичерин, не более, чем «химера, не способная ответить ни на один вопрос человеческого бытия»⁵, но при этом самонадеянно выстраивая свои социологические прогнозы. Соглашаясь с Б. Н. Чичериным, П. И. Новгородцев, кроме того, отмечал и нравственную несостоятельность социологии, её опасность и бессилие: «Социология, - писал он, - не может ничего сказать относительно того, насколько ожидаемые пути развития оправданы с нравственной точки зрения»⁶. Таким образом, социология, выстраивая свои ложные прогнозы, декларируя свои ничем не обоснованные общественные идеалы, обрекает общество на неизвестное, а потому и опасное будущее.

Именно этот результат и получил П. Н. Милюков, используя антинаучную социологическую методологию в своих сочинениях. Пытаясь доказать незаконность существования Русского государства, отрицая его «исконные начала», Милюков своими работами по русской истории способствовал свержению законной власти и установлению в России другой формы правления – диктатуры большевистско-сионистского режима, жертвой которого стал не только весь русский народ, но и он сам, бежав, спасаясь от тирании этого режима, за границу.

Любое государство, как известно, лишённое своих исконных начал, то есть своих корней, существовать не может, как не может существовать любой живой организм. Не понимая этого, Милюков в своих сочинениях шел к заданной ему Синедррионом цели – к обоснованию необходимости свержения русского самодержавия. Однако работ, посвященных методу исторического исследования П. Н. Милюкова, в отечественной историографии до сих пор нет.

Отсюда цель нашей работы: раскрыть научную несостоятельность социологического метода исследования; доказать, что использование Милюковым данной методологии в своих исторических исследованиях имело своим результатом полное извращение истории русского самодержавия; реконструировать историю русского самодержавия в той её части, где она была извращена либо сокрыта П. Н. Милюковым, использовавшего социологический метод и схему познания истории.

Что же касается «открытия» В. В. Шелохаева относительно неперменного соответствия методов исторического исследования периодам исторического развития государства, то это «открытие» не

выдерживает критики, поскольку состояние методологии истории не зависит от периодов исторического развития, но исключительно только от степени развития исторической мысли и от уровня развития научного познания в целом, равно как и в любой другой научной дисциплине. Но, если следовать логике В. В. Шелохаева, то физикам сегодня надобно отказаться от Ньютона, Фарадея, Эйнштейна и т.д., а химикам – от периодической системы Д. И. Менделеева на том основании, что периоды истории, в пределах которых они жили, «полностью завершили цикл своего развития», что есть абсурд. Но, если это так, а это так, то тот же вывод следует из «открытия» В. В. Шелохаева. Право слово, что-то не в порядке с мировоззрением современных «хозяев» методологии русской истории, решивших подчинить историческую науку России химерам социологии.

ГЛАВА I

П.Н. МИЛЮКОВ ОБ «ИСКОННЫХ НАЧАЛАХ» В РУССКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ СТРОЕ ДРЕВНЕГО И СРЕДНЕВЕКОВОГО ПЕРИОДОВ ИСТОРИИ РУСИ

Прежде чем приступить к изучению собственно творчества П. Н. Милюкова, обратим внимание на чрезвычайно показательный вывод известного русского ученого, автора многочисленных трудов по психологии творчества Д. Н. Овсяннико-Куликовского, который следующим образом определял специфику творчества интеллигента-ученого.

Поскольку интеллигенция есть особая умственная среда, где вырабатываются умственные блага, постольку особо важно значение приобретает вопрос о субъективном отношении его к той или иной умственной деятельности, то есть что ищет человек в занятиях наукой, философией и «какое место занимают они в его духовном обиходе». В зависимости от этого Овсяннико – Куликовский выделял две категории субъективного отношения интеллигента к духовным ценностям. К первой категории он относил тех, кто оценивает любое «духовное благо» по существу и воспринимает его, не соотносясь с потребностями своей души, с запросами личного развития. Поэтому здесь духовная ценность не урезается с тем, чтобы «приладиться к психике лица», а на оборот психика лица расширяется, чтобы воспринять по существу данную духовную ценность.

К другой категории ученого-интеллигента Овсяннико-Куликовский относит тех, кто воспринимает «духовные блага», руководствуясь потребностями своего духовного мира и берет из них только то, что ему нужно. Поэтому здесь психика лица не расширяется, а воспринимаемые им духовные ценности урезаются, приспособляясь к психике лица. В русской интеллигенции вторая категория не только преобладала над первой, но «в ней выделились те, которые занялись исключительно исканием идей, отвечающих их душевным запросам. Они хотели решить все вопросы, в том числе и не разрешимые, над которыми тщетно трудились величайшие умы человечества»¹.

В том факте, что Милюков бесспорно относился ко второй категории творческой интеллигенции России, будучи по образованию не историком, а филологом, легче всего убедиться, обратившись к его работе², посвященной В. О. Ключевскому, который, как известно, в отличие от Милюкова бы профессиональным ученым-историком. В работе о Ключевском Милюков раскрывает сущность своих душевных и умственных запросов через свое отношение к лекциям В. О. Ключевского, слушателем которых он был: «... в 1879 году, — пишет Милюков, — мы впервые встретились с Ключевским как с профессором. Русской истории мы тогда не знали и не чувствовали потребности её знать. Но мы успели уже узнать последние слова европейской науки... Мы искали и нашли в нём (в Ключевском. — Г.К.) прежде всего мыслителя и исследователя, взгляды и приемы которого отвечали нашим запросам». В чём состояли эти запросы? Милюков отвечает: «Мы соглашались изучать русскую историю... с точки зрения

органической эволюции человеческого общежития. Мы ещё не называли тогда эту проблему социологической проблемой. Но мы уже решительно чуждались всяких философско-исторических построений, всяких произвольных нанизываний фактов... идя навстречу тому или другому философскому или общественному идеалу. Мы искали только констатирование явлений «закономерностей». Мы искали «законов» в истории³.

Прервем на некоторое время откровения Милюкова о его душевных и умственных запросах и зададимся вопросом: а каким образом и каких собственно законов в истории Милюков собирался искать, если он решительно чуждался всяких философско-исторических построений, всяких исторических фактов, не желая их изучать? В силу каких причин для него, студента-филолога Московского университета, еще не знакомого с исторической наукой, уже было аксиомой, как он пишет, что «изучение истории не должно ставить себе прикладных целей» и что «славянофильское и западническое, народническое и либеральное толкование русской истории» было уже «одинаково подозрительны»?⁴.

Умолчав об источниках своих подозрений, Милюков сразу переходит к анализу лекций В. О. Ключевского, под влиянием которых как будто бы и сформировались его взгляды на русскую историю. Из этого анализа выясняется, что Ключевский, якобы, не отрицал важности изучения русской истории, но указывал, что значение «местной истории сравнительно ничтожно», что она служит только «источником для изучения общекультурного движения человечества», а для «специального изучения русской истории Ключевский ставил особую научную

цель, а именно: предоставлять изучающему её «возможность наблюдать такие процессы, которые особенно явственно воспроизводят механику исторической жизни». Эта механика выражается в «сравнительной простоте» её явлений и в своеобразном сочетании в ней «сил и элементов», как и в западной истории, но в «ином наборе». Благодаря этому «методологическому удобству» история России важна как прекрасное «вспомогательное средство для изучения науке об обществе или исторической социологии»⁵. Таким образом, Милюков создает ложное впечатление, что и в выборе своей методологии истории, и в своем отношении к социологии на него определяющее влияние оказал именно Ключевский.

Но уверяет Милюков, не только метод, а и сам выбор Ключевским «содержания истории» России отвечал его потребностям, поскольку, якобы, ни Ключевского, ни его самого уже не удовлетворяла «всемирная история культурных идей» равно как и «история государственных учреждений». Отвечали их потребностям только вопросы об отношении политических форм государства «к их социальному материалу». Кроме того, был востребован, пишет Милюков, «экономический материализм, правда, ещё не К. Маркса, а Дж. Роджерса». Что же касается роли «идей» в толковании истории, то она (роль идей) была «заподозрена», и занятие ими было предоставлено «старомодным всемирным или... культурным историкам»⁶.

Одним словом, Милюков в работе, посвящённой памяти В. О. Ключевского (1910), вне всякого сомнения пытается поставить свои вульгарно-социологические творения по русской истории в один ряд с фундаментальными трудами В. О. Ключевского, всячески

подчеркивая свое и В. О. Ключевского единство душевных потребностей и запросов в изучении истории, но, главное, методологическое единство.

Однако, во время публикации данной работы (1910) были ещё живы почти все ученики В. О. Ключевского. Поэтому Милюков, рисуя идиллическую картину своего единодушия и методологического единства с В. О. Ключевским в освещении русской истории, вынужден был сказать хоть и не полную, но правду, в которой он фактически полностью опровергает свое методологическое единство с Ключевским.

Эта не полная, но правда состоит в следующем:

1) «Ключевский., – пишет Милюков, – всегда возбуждал во мне это ощущение различия подчас мучительное и ... болезненное»;

2) «... прикладное значение истории мы могли понимать различно с нашими учителями»⁷.

3) «... искать в русском прошлом политических прецедентов для будущего, также, как и изучать историю наших учреждений с точки зрения «самобытности» или «заимствований», казалось нам поверхностным и ненаучным»⁸.

4) «У нас были практические занятия по русской истории с Ключевским, но в свою лабораторию он нас не вводил. Между нашими упражнениями над историческими источниками: «Русская правда», «Псковская грамота» и т.д. и готовыми выводами нашего руководителя лежала целая пропасть, которую заполнить было невозможно... Ключевский не уклонялся от бесед, но мнение своё высказывал очень уклончиво, чем немало сердил нас»⁹.

Наконец, Милюков подходит к главному между ним и Ключевским различию – исторической

методологии: «При обсуждении самых современных вопросов исторической методологии, — пишет он, — часто проскальзывали точки зрения... к которым мы не привыкли в изложении новейших европейских методов... В самом интимном общении (с Ключевским. — Г.К.) оставалось что то нам чуждое... Для нас Ключевский... являлся уже передаточным звеном традиций, кристаллизовавшихся десятилетиями раньше, в шестидесятых, семидесятых годах. Ключевский как руководитель нам не помог»¹⁰. Однако и в этом выводе Милюков явно лукавит: в действительности, Ключевский в 1892 году выступил против присуждения Милюкову докторской степени за его магистерскую диссертацию.

Это явное неприятие Милюковым методологии и концепции русской истории Ключевского находить свое подтверждение также и при характеристике Милюковым отношении Ключевского к двум главным течения общественной мысли России 40-60-х годов XIX века: славянофилов и западников. Милюков пишет: «В III томе «Истории» («Русская история». — Г.К.) Ключевский так характеризует привлекательность обоих направлений. У западников — «дисциплина мысли, любовь к точному изучению, уважение к научному знанию». У славянофилов — «широкая размахистость идей, бодрая вера в народные силы и та струйка лирической диалектики, которая так мило прикрывала в них промахи в логики и прорехи эрудиции». Таким образом, заключает Милюков, «на стороне западников лежит ум Ключевского». К славянофильству он склоняется сердцем. В одних он теоретически уважает их достоинство. Другим готов простить их недостатки, «прорехи» и «промахи». У западников...

он берет стройный метод, который требует повсюду искать «сходные моменты и условия закономерной исторической эволюции». Но вместе со славянофилами он признает «своеобразное сочетание» этих «основных элементов общежития» русской истории и даже склонен считать «невиданными те внешние обстоятельства, при которых развивается русский исторический процесс. Выделяя в каждом из двух течений долю истины, он противопоставляет её заблуждением каждого и тем спасается от их крайности и односторонности»¹¹. Отсюда со всей очевидностью следует, что никакого методологического единства Ключевского и Милюкова никогда не существовало.

Милюков не приемлет и не прощает Ключевскому также и того факта, что «связь его со старым русским бытом – органическая и непосредственная», что он «живет одной душой с далеким русским прошлым, находя там себя и в себе эту древнюю русскую душу, и в этом смысле Ключевский действительно – почвенник»¹². А поскольку здесь он говорит правду, то и данным фактом Милюков ещё раз подтверждает огромную пропасть, лежащую между ним и Ключевским.

Ещё одной причиной, определившей различие их взглядов на содержание исторического процесса, является тот факт, что Милюков был предельно честолюбивым человеком. По заключению члена ЦК партии кадетов Тырковой А.В. (На путях к свободе. М., 2007), «в нём было редкое для русского общественного деятеля сосредоточенное честолюбие». Поэтому он не мог смириться с тем фактом, что Ключевский, являясь выходцем из семьи бедного сельского священника села Ключи, заслужил себе «почётное

место в национальном пантеоне», а ему, Милюкову, этого сделать не удалось.

Таким образом, анализ статьи Милюкова, посвящённой В. О. Ключевскому, позволяет нам сделать следующие выводы:

1. П. Н. Милюков относился ко второй категории русской интеллигенции, которая искала в историческом процессе только то, что отвечало её душевным запросам и потребностям.

2. П. Н. Милюков отвергал историческую методологию В. О. Ключевского и его отношение к содержанию русского исторического процесса, кардинально расходясь с ним по всем вопросам русской истории и прежде всего, вопросам истории древнего и средневекового периодов России.

3. П. Н. Милюков изначально был приверженцем социологического метода в изучении истории, считая исследование фактов, идей, культуры и истории государственных учреждений «поверхностным и не научным».

Верность социологическому методу, присягнув ему однажды, П. Н. Милюков сохранил до конца своей творческой жизни, но в полной мере этот метод он реализовал в работе «Исконные начала» и «требования жизни» в государственном строе России»¹³. Учитывая, что социологический метод был разработан основоположником «науки социологии» О. Контом в двух своих главных сочинениях – «Курс позитивной философии» и «Система позитивной политики», кратко остановимся на основных положениях его «науки».

Однако приступить к анализу исконных начал в русском государственном строе в концепции Милюкова, начав с изучения сочинений О. Конта, –

задача, прямо скажем, не из благодарных: одолеть пустую фантазию О. Конта, изложенную им в десяти томах, было не под силу даже крупным мыслителям России XIX века, а тем более современным обществоведам в условиях, когда философия заговорила языком неософистов, а историческая наука уже с трудом справляется с собственной методологической анархией, изобретая все новые «синтезы»¹⁴.

Единственным из русских мыслителей, раскрывшим полную научную несостоятельность социологии О. Конта на рубеже XIX – XX столетий, стал, как известно, Б. Н. Чичерин. Исследованию сочинений Конта Чичерин посвятил помимо большого раздела «Истории политических учений» одно из лучших своих творений: «Положительная философия и единство науки» (1892), в котором подробнейшим образом, разобрав учение философа, показал всю его несостоятельность: «Полное извращение фактов при отсутствии всякого ясного взгляда, и чисто фантастическое построение будущего – таковы были единственные результаты этой попытки... Существует и существовали отдельные науки, касающиеся различных сторон духовного естества человека, – философия, право, политическая экономия, политика, эстетика, история философии, история религии, наконец, прагматическая история; но социология как наука не существует. Есть только пустые толки о социологии», – заключил Б.Н. Чичерин¹⁵.

Правомерность вывода Б.Н. Чичерина в отношении социологии подтверждается тем фактом, что все попытки О. Конта «изъять науку из ведения чисто эмпирических специальностей и создать синтез всех наук – социологию, выработав на её основе новый социологический метод исследования»¹⁶, оказались

тщетными: на Западе эту так называемую науку ученые называли «кентавром, составленным «из корней двух языков», а в России социология так и не получила официального статуса науки. Поэтому все такого рода сочинения авторов (Е.В. Де Роберти, Н. И. Кареев, М.М. Ковалевский, П.А. Сорокин, Н. И. Зиберь, Г. Н. Чернышевский, Г. В. Плеханов, В. И. Ленин и др.) рассматривались как пропаганда социологии и способ её академической легитимации, оставаясь для научного сообщества «химерой». Однако Милюков усмотрел в социологии высший синтез всех наук.

Свои изыскания по проблеме исконных начал в государственном строе России Милюков начал с полного отрицания им устоявшейся в отечественной исторической науке точки зрения, согласно которой форма государственного устройства России (самодержавие) должна оставаться прежней, поскольку она (форма) является исторически обусловленной и отражает дух народа в государственном устройстве России. Но, утверждает Милюков, эта точка зрения «устарела». Напротив, пишет он, «...наука о составе общества и переменах в нём, так называемая социология, сделала такие большие успехи, что в неподвижность и неизменность государственных форм никто больше не верит»¹⁷.

В каких именно областях знаний и кто именно сделал большие успехи в социологии Милюков предвзвешенно умалчивает, поскольку социология в России, как мы уже отмечали, вообще не получила академического статуса науки. Единственный факт, на который он ссылается, не имеет никакого отношения к «успехам» социологии: дело в том, что 6 августа 1905 года Николай II подписал два указа:

«Учреждение о Государственной Думе» и «Положение о выборах в Думу», а 17 октября – манифест «О даровании населению незыблемых основ гражданской свободы». Это обстоятельство и вселило уверенность в Милюкова в том, что «жизнь» непременно потребует и дальнейших перемен», поскольку, якобы, «изменился состав общества и сам его дух»¹⁸.

Но Николай II, как известно, подписывая указанные акты, исходил вовсе не из изменения состава русского общества или его духа и тем более не благодаря «успехам социологии», а исключительно по причине поражения России в русско-японской войне 1904 – 1905 гг. и начавшихся в стране революционных волнений, подготовленных русской секцией международного масонского II Интернационала, проводником и исполнителем решений которого в России являлись еврейская партия «БУНД», созданная в 1897 году, и РСДРП, образованная в 1898 году.

Однако Милюков отверг громадные достижения русских историков, доказавших бесспорную историческую обусловленность, исконность и законность самодержавия в своих исследованиях формы политического устройства России. Ознакомивших с социологическими химерами О. Конта, а также другими творениями русских и зарубежных приверженцев социологии, и хорошо усвоив главным образом вульгарно-социологическую теорию и метод Н. И. Кареева, Милюков использовал его метод при анализе исходных начал в политическом строе России.

Сам Н. И. Кареев, заложивший основы русской социологии, определял её следующим образом: «Социология есть «наука о природе и генезисе общества, о её основных элементах, факторах и силах, о характере процессов в нём совершающихся, где бы

и когда бы это всё не существовало и не происходило»¹⁹.

Связанный узами тесной дружбы с западными и русскими так называемыми социал-демократами еврейского происхождения, целью которых являлось свержения царского самодержавия, Карееву необходимо было создать высокий статус социологии, способной исторически, политически, но, главное, научно доказать необходимость готовившейся в России революции. Кареев так и пишет, определяя статус социологии как общей теории: «Статус социологии как общей теории социально обусловлен её синтезирующей ролью, выполняя которую, она обобщает результаты, полученные во всех областях знания, и выявляет общие закономерности общественной жизни»²⁰.

Приступив к анализу исконных начал в русском государственном строе, Милюков в полном соответствии с социологической теории Кареева и революционными установками «БУНД» и РСДРП делает свой первый вульгарно-социологический вывод, касающийся закономерностей «перемен» в политическом устройстве России, которые для него оказываются «довольно сходными» с переменами, происходящими «у всех пресвященных народов». Оказывается, «социология показала», что всякое человеческое общество проходит через три ступени: первая ступень – это «быт племенной», в котором государства ещё нет. На второй ступени, согласно Милюкову, уже является «государственная связь», но она ещё не крепка и «общество раздроблено вместо целого большого государства на множества маленьких». Эта вторая ступень называется у Милюкова «феодалным бытом». На третьей же ступени, пишет он, «один са-

мый сильный или самый ловкий хищник уничтожает или покоряет остальных и подчиняет своей воле всё население одного языка и одной веры, создавая таким образом единую нацию и организуя постоянное войско для защиты государства»²¹.

Вот эту третью ступень Милюков называет «военно-национальное государство», в котором постепенно «военная деятельность ослабевает, уступая место мирному развитию промышленности».

Но свободное развитие производительных сил, согласно Милюкова, не мирится с произволом и насилием и «перестраивает всё внутреннее устройство государства на твердом основании закона и права» (Курсив – Г.К.). Таким образом, заключает Милюков, военно-национальное государство превращается в промышленно-правовое. Отсюда у него следует, что и Россия, пережив те же ступени политического роста «четыреста с небольшим лет назад, объединившись в руках одного владельца – московского князя, который стал признавать себя государем-самодержцем, также на наших глазах превращается в промышленно-правовое. Это последняя политическая форма, стала быть, – заключает он, – вовсе не была ни исконной, ни неизменной, и нет никаких оснований думать, что на ней остановиться политическое развитие России»²².

Как видим, Милюковым одним без какого-либо анализа большим мазком на трех страницах текста своей работы была создана схема периодизации более чем тысячелетнего развития мировой истории, где собственно истории как таковой места нет, но зато явился некий монстр – социология, для которой не существует ни фактов, ни логики истории, ни исторических законов, ни конкретного времени, ни

конкретных государств, ни общественной мысли, ни самого общества, ни сословий ни классов, ни права, ни экономики, ни политики, ни культуры, ни религии, одним словом, нет ничего, что хотя бы отдаленно напоминало научный анализ процесса исторического развития. Но, если полностью отсутствует научный анализ, то, следовательно, невозможно осуществить и синтез. У Милюкова его нет.

Но что присутствует в схеме развития мировой истории Милюкова?

А присутствуют в этой схеме некие «перемены», декларированные социологией, а также претензия автора работы на создание «грандиозного синтеза». Но главное, здесь впервые в русской историографии показалась самоуверенная, антинаучная физиономия этой самой «науки» социологии, издавшей звук, который, подобно иерихонским трубам, призван был обрушить не только историческую науку в России, но и само государство Российское.

Всякий историк, знакомый с особенностью русского и западного исторического процесса, знает, что, во-первых, эти процессы в России и на Западе шли далеко не параллельно; во-вторых, никаких военнo-национальных и промышленно-правовых государств ни в какие времена ни в России, ни в Европе не существовало. Можно, правда, предположить, что Милюков воспользовался превратно понятой им теорией культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского²³, в которой он, анализируя главные категории деятельности различных народов, выделил у европейских народов в качестве таковых технически-промышленную и научно-теоретическую деятельность, включая хорошо разработанную правовую схоластику.

Но этот факт не дает достаточных оснований для того, чтобы сделать вывод о превращении европейских государств в промышленно-правовые, поскольку два фактора-насилъственность европейского психического типа и властолюбие превратили всю историю Европы в тяжелейшую борьбу, которая закончилась тройкой анархией: анархией религиозной (протестантизм), анархией философской (всеотрицающий материализм) и анархией политико-социальной, выразившейся в противоречии между политическим демократизмом и экономическим феодализмом.

Создав, руководствуясь социологическим методом, произвольную схему периодизации развития мировой истории и выделив в ней образование на третьей ступени промышленно-правовых государств, Милюков, правда, отмечает, что все перемены в России совершались «непохоже на другие государства», но это различие он видит только в том, что у Европы «врагов было много и враги не дремали», поэтому властителям в Европе, — пишет он, — «мало было захватить власть, им надо было еще и доказать, что они имеют право на эту власть и закрепить веру на это право, сделав его преданием»²⁴.

В данном выводе Милюкова, как видим, искажению подверглись едва ли не все реальные исторические процессы, происходящие в средневековой Европе.

Во-первых, начиная с раннего средневековья, вовсе не у Европы, а именно у России «врагов было много» и одним из них являлась как раз Европа, которую Русь, отражая нашествие монгола-татар, спасла, «остановив монголо-татар на самом краю Европы», по выражению

К. Маркса, ненавидевшего Россию, но сказавшего все-таки правду, в отличие от Милюкова.

Во-вторых, прослушав курс русской истории В. О. Ключевского и работая в его семинаре, Милюков безусловно был хорошо знаком с источниками по истории русского средневековья. Однако он умалчивает не только факт многовековой борьбы русского народа с монголо-татарскими завоевателями и еще более раннюю борьбу Руси с многочисленными врагами – степными кочевниками (а это – полтора столетия), но и тяжелейшие войны с крестоносцами, вдохновителем и организатором походов которых на Русь была именно Европа. Он также умолчал о борьбе Руси со злейшими её врагами – Польшей и Литвой, проговорившись, однако, что «Русь во времена Ивана III была в руках Литвы»²⁵, чем опровергает самого себя.

Милюков утверждает, что «западные властители «доказали» свое право на власть», придав ему «твердую опору» благодаря римскому закону и помощи со стороны юристов и адвокатов, которые «припомнили, что по римскому закону государь стоит выше всякого закона и потому его власть не ограничена». Напротив, уверяет он, в Москве «ни о какой законной основе власти государи не думали, получив её по наследству от прародителей, и только тогда, «когда к Ивану III пришли послы от Папы римского и германского императора с предложением стать ему королем, Иван III задумался»²⁶.

Нам нет нужды говорить о том, что европейцы заимствовали у Рима не закон, а право. Главное здесь заключается в том, что Милюков усматривает в законе «твердую опору, для властителей Европы – иметь неограниченную власть и право на эту власть.

Но, во-первых, согласно верному заключению крупнейшего специалиста России в области государственного права Б.Н. Чичерина, «...весь горький опыт истории показывает, что государственный быт только тогда имеет прочные основы, когда он опирается на господствующие в обществе убеждения и потребности, указывая на органическую духовную связь гражданского общества и государства, при которой государству принадлежит обязательная функция содействия обществу... Там, где этого содействия нет, — пишет он, — политическое здание висит в воздухе»²⁷. Отсюда следует, что твердую опору государственной власти создают прежде всего убеждения и потребности народа. Но именно этого недоставало европейским странам, что и привело к возникновению там тройкой анархии, как мы уже отмечали.

Во-вторых, Милюков обнаруживает здесь свое полное непонимание сущности государства как субъекта исторического процесса в реализации цели и смысла истории. А между тем, государство есть высший политический, духовный и нравственно-юридический союз: политический союз, потому что в государстве преобладающим элементом является власть, и с этой точки зрения государство есть союз людей, образующих единое целое; духовный союз потому, что государство состоит из разумно свободных лиц, имеющих свои цели, права и духовные интересы, и связь в этом союзе не физическая, а метафизическая, то есть духовная; нравственно-юридический союз потому, что установленные государством законы и другие юридические акты, а также морально-юридические нормы в равной мере обязательны к исполнению для всех подданных государства. А если это так, то не европейские страны, а именно Русское самодержавие,

опираясь на сознание и убеждение русского народа и сохранив прочную духовную связь с ним, осознавая цель, место и роль России в мировом историческом процессе, имело прочную опору своей власти. Вот почему Милюков, попытавшийся найти в социологических химерах объяснение данному историческому факту, так его не нашёл и вынужден был признать, что: «Русское государство оказалась сильнее, чем оно было в других местах. Оно выросло и укрепилось на более продолжительное время»²⁸.

Столь же бесплодной и бессильной оказалась и попытка Милюкова применить антинаучный социологический метод при объяснении им законного права на власть Русских самодержцев. Хорошо зная, что все законные основания Русских государей на власть у них были, он, отрицая данный факт, прибегает к заведомой клевете: «в Москве тогда, — пишет, — он своих адвокатов и юристов не было — единственно образованными людьми были архиереи, и то не свои, а заезжие»²⁹. Для обоснования своей клеветы Милюков сочинил легенду о «ложной Византийской грамоте», утверждал, что право присвоить Русским государям титул царя дали им якобы, заезжие архиереи (болгарские и сербские), а Московские цари по причине их правовой безграмотности, «жадности и глупости вполне удовлетворились этой подложной Византийской грамотой. Но юридического оправдания, — заключает Милюков, — новый царский титул, принятый Московским князем в 1547 году, так и не получил»³⁰. Более того, согласно легенде Милюкова, даже самую идею «Москва — Третий Рим» тоже придумали заезжие архиереи с целью оправдания претензий русских государей на Византийский престол.

Начнем опровержение социолого-клеветнических выводов Милюкова об отсутствии у Русских государей законного права на власть.

Во-первых, уже во времена правления Ярослава Мудрого (1019-1054) началось составление «Русской Правды» – свода судебных норм и правил древней Руси, которая создавалась на протяжении полутора столетий, отражая все изменения, происходящие в ходе развития древнерусского общества и государства. Однако правовые нормы «Русской Правды» возникли еще до образования единого централизованного Русского государства, вырастая из древнейших русских обычаев и традиций, то есть из самого духа русского народа (на тех же основах были созданы устав Владимира Великого и духовные грамоты великих русских князей). Кроме того, существование на Руси законодательных актов (например, договоры дружинников с князем) мы находим уже в период утверждения на Руси династии Рюрика. Имелись на Руси и свои юристы – княжеские судебные должности (ябедники и мечники), а в XIII веке на Руси была разработана «Пространная Правда».

Клевета Милюкова становится тем более очевидной, когда он переходит к вопросу о законности самодержавия в XV – XVI, поскольку в 1497 году в целях усиления центральной власти и укрепления государственного порядка по указу Ивана III был принят «Судебник». Судебник Ивана III представлял собою новый свод судебных правил и норм, отражавших все изменения в русской жизни, которые произошли после принятия «Русской Правды» и «Пространной Правды». Но, главное, судебник Ивана III положил начало созданию на Руси отдельных отраслей права, унифицировав административную

деятельность государства на всей территории Руси. Таким образом, ко времени воцарения И. Грозного Русь уже давно имела свои собственные законы и право, причем, во многом сходное со знаменитым по тем временам правом германских народов. А если это так, то отсюда следует, что все законные основания на власть у русских государей-самодержцев на Руси были, при чем, не слепо заимствованные у Рима, как это было сделано европейскими властителями, а продиктованные обычаями, традициями и требованиями меняющегося социально-экономического, политического и культурного развития общества, те есть являлись прямым отражением народного духа и потребности государства.

Что же касается получения И. Грозным титула «царя», то Милюков напрасно потратил время на сочинения легенды о «византийской фальшивке»: любому специалисту-историку доподлинно известно, что Русь, превратившись ещё в XV веке в крупнейшую мировую державу, по силе и мощи превосходила все европейские страны. О возрастающей силе великих московских князей свидетельствует, например, отказ Василия II признать заключенную в 1438 году во Флоренции унию православной и католической церковей под главенством Папы Римского. После Флорентийской унии русская православная церковь постепенно стала выходить из-под власти константинопольского патриархата, а в 1442 году Василий II провозгласил её автокефалию (независимость). Окончательно самостоятельной русская православная церковь стала после падения Византии в 1453 году, когда Константинополь был взят турками. Поэтому ни в каких специальных санкциях со стороны Византии на получение русскими

государями титула «царя» Русь не нуждалась, о чём особенно убедительно свидетельствует процедура воцарения И. Грозного, который, не дожидаясь ничьих благословений, в 1547 году был провозглашен «царем» и «помазанником Божиим» собственно русским патриархом.

Об этом же свидетельствует и его послание к А. Курбскому. Доказывая своё законное право на титул царя, исконность и историческую обусловленность именно самодержавной формы правления на Руси, И. Грозный в своем первом послании к А. Курбскому пишет: «Исполненное истинного православия самодержавства Российского царства началось по божьему изволению от великого князя Владимира, просветившего Русскую землю своим крещением, и Великого князя Владимира Мономаха, удостоившегося великой чести от греков, и от храброго Великого государя Александра Невского, одержавшего великую победу на безбожными немцами, и от достойного государя Дмитрия, одержавшего за Доном победу над безбожными агарянами, вплоть до отмстителя за неправды деда нашего великого князя Ивана, и до приобретателя исконных прародительских земель блаженной памяти отца нашего Василия, и до нас смиренных скипетродержателей Российского царства»³¹.

Прямым доказательством прочной и законной основы, дающей И. Грозному право на власть в её самодержавной форме, может служить постоянное внимание Грозного к нравственно-юридическим основам государства. Ещё в 1546 году, как только И. Грозный освободился от тотальной опеки над ним со стороны бояр-изменников, он первым своим долгом поставил: исправление гражданских законов,

улучшение судебного производства и повышение уровня нравственности народа. В результате, 1551 году вышел его «Судебник» — кодекс гражданских законов, и в том же году был созван церковный Собор, который рассмотрел главным образом законы духовные, те есть правила благочестия и нравственности с их четким определением, а также издал эти правила о нравственности («Стоглав»), ставшие законом для русского народа и для царя-самодержца.

Отличительной и замечательной особенностью «Судебника» И. Грозного явился тот факт, что, исправляя и дополняя судебник Василия II, он был составлен в соответствии духом и требованиями своего времени, а принятые на его основе законы («Уставная грамота», «Губной наказ», «Дополнительные указания к судебнику», «Устав о сборе таможенных пошлин в Новгороде», «Соборное уложение об отчинах монастырских» и другие) отражают: во-первых, тесную связь «Стоглава» с «Судебником»; во-вторых, исключение из законодательства некоторых народных суеверий и предрассудков, например: присутствие на судебных разбирательствах волхвов и чародеев было строго запрещено, что является еще одним доказательством прочной связи русского законодательства с народным духом. Как верно заметил в этой связи коллежский советник, профессор Л. Цветаев: «Является Иоанн, царь России, государь необыкновенно пытливого ума, бессмертный своими победами, славный отмеченною мудростью... Следуя по стопам своего деда, он возвёл Россию на высшую ступень славы и, видя преступление и недостатки во внутреннем ее управлении, не оставил сего без внимания. Он по справедливости есть третий законодатель России. Законны его имеют особенное, собственно им

принадлежащее достоинство, а знаменитое стоглавое Уложение («Стоглав») по своей полноте и важности занимает первое место между всеми определениями бывших в России соборов и служит украшением Иоанова века»³², – заключает Л. Цветаев. Таким образом, очевидность клеветы Милюкова на отсутствие у Московских государей законных оснований и права на власть и царский титул не вызывает сомнений.

Но Милюков, отрицая исконные начала Русского самодержавия, отрицает не только законные основания на власть Московских царей, но и религиозные, те есть духовно-нравственные: «За отсутствием твердой опоры в законе, – пишет он, – оставалась другая твердая опора – в религии... Однако и в этом религиозном освещении власти была одна слабая сторона. Правило «нет власти аще от Бога» освещала собственно всякую власть: оно давало святость не лицу, а месту, учреждению все равно кто бы не занимал его. Когда 250 лет тому назад в Англии парламент вступил в спор с королем, то парламент тоже был властью и тоже считал, что его власть точно также происходит от Бога, как и власть короля. Значит религиозное доказательство, – заключает Милюков, – не создавало никакого права для лица, а только поддерживало всякий порядок и власть»³³. (Курсив – Г. К.)

Как видим, социологическая методология позволила Милюкову использовать еще один прием, который задолго до него применяли масоны и иезуиты в России для формирования общественного мнения, а именно: подмена понятий и фальсификация фактов. Так, во-первых, Милюков подменяет понятие «человек» понятием «учреждение и место», а роль и назначение религии и церкви в государстве сводит

исключительно к функции «освещения власти», тогда как назначение религии и церкви – проведение в реальной духовной жизни нравственного закона.

Во-вторых, в основу образования государства Милюков положил юридический закон, рассматривая его как первичную основу происхождения государства, дающую, якобы, ему прочную основу существования. А между тем, великие русские князья, замышляя объединение всех славянских племен в единое государство, искали в целях реализации этой задачи в качестве прочной опоры государства прежде всего нравственный закон, а не юридический, то есть единую духовную основу – религию. Но не только для Руси, но и для всех европейских государств первичной основой их образования стала именно религия: «Европа приняла христианство раньше на несколько веков, чем Русь (VI–VII вв.). Следовательно, не юридический закон, не право, а именно нравственный закон, то есть духовные основания придают государству прочную опору его существования.

В-третьих, Милюков явно профанирует читателя и опровергает самого себя, утверждая, что и английский парламент в своем споре с королем, и сам король, обосновали свое право на власть в государстве, ссылаясь на её божественное происхождение. В действительности, это был спор не религиозный, а чисто политический: дело в том, что вся английская политическая теория и философия XVII века в своих главных направлениях исходила из либерально-материалистического учения Д. Локка о государстве как результате общественного договора об ограничении монархии и разделении законодательной и исполнительной власти, полагая её наилучшей политической формой правления.

Вообще, начиная с XVII века (эпоха Реформации), материализм и связанный с ним атеизм стали в Англии идейным оружием феодальной аристократии, а буржуазия (в большинстве своем банкиры еврейского происхождения) выступала под знаменем пуританства, то есть углубления Реформации. Именно под этим знаменем английская буржуазия и одержала победу в борьбе с аристократией, добившись своих представителей в парламенте.

И здесь мы раскрываем тайну, тщательно скрываемую Милюковым. Эта тайна состоит в том, что вся революционная фразеология и пафос английской финансовой буржуазии были заимствованы ею из «Ветхого завета» и, отрицая необходимость католической церкви и духовенства вообще, она единственным источником истины провозгласила еврейское «Священное писание». В итоге, за годы Реформации в Англии, а затем и во всей Европе утвердился неоиудаизм как новая идеология и религия. Религия, таким образом, продолжила оставаться нужной для английской буржуазии, поставленной во главе общества, якобы, самим «промыслом божьим». Вот на этот-то ветхозаветный религиозный аргумент депутатов английского парламента в их споре с королем и ссылается Милюков, используя неоиудаистский приём подмены понятий и извращения исторических фактов.

Тот же приём сокрытия и фальсификация фактов Милюков положил в основу толкования им исконных начал русской жизни в период правления на Руси Петра I и Екатерина II. Здесь, на этом огромном пространстве истории русского самодержавия времен правления Петра I и Екатерины II, для Милюков открывались необычайно широкие возможности для извращения фактов.

Повторив еще раз свой ложный тезис о том, что «одного религиозного освящения было мало для верховной власти», поэтому «надо было найти для нее законное право», Милюков умолчал о главном, а именно: в 1696 году Петр I во время своего посещения Англии был завербован главой лондонской масонской ложи Х. Реном со всеми вытекающими отсюда последствиями для Русского государства. По точному выражению В. О. Ключевского, Петр I, завершив церковную реформу патриарха Никона, «разрубил Россию на двое».

Однако этот трагический результат петровской реформы русской православной церкви был использован Милюковым как аргумент, якобы, подтверждающий незаконность самодержавия как форму правления на Руси. Милюков пишет: «...Петр так круто отрезал себя от всякого прошлого и так решительно отказался следовать примерам старины, что и основывать свою власть на обычаях «прародителей» он уже не хотел. Он и назвал себя совсем новым титулом «императора», подражая этим...самому высокому титулу тогдашней Европе: титулу германского (австрийского императора). Для нового звания приходилось придумать и новые доказательства. И это было тем нужнее и тем легче, что никаких старых доказательств в русском законе не было»³⁴.

Все последующие аргументы Милюкова, связанные с попыткой доказать незаконность самодержавия в России, сводятся им, в очередной раз, к мнению «знаменитых юристов Европы». Так, пишет он, во времена Петра I, эти «самые знаменитые юристы Европы руководствуются уже не римским законом, про который говорили, что их писал сам разум, они ссылаются на самый разум, по которому

в основе всякого права должны лежать «естественные законы»³⁵. А из естественных законов следовало, что «единственная» цель установления какой бы то ни было формы правления есть всенародная польза. Народ поэтому выбирает ту форму правления, которая для него полезнее»³⁶.

Будучи полным профаном в философии права, Милюков изложил всю историю развития европейской общественной мысли XVII века следующим образом.

Все знаменитые европейские юристы, пишет он, пришли к выводу о том, что «всякий образ правления и сама наследственная монархия происходят от первоначального соглашения в том или другом народе. При этом, от народа зависит решить, передаёт ли он свою общую волю только тому государю, которого он выбирает, или также его наследникам. Когда умрет выбранный государь или когда прекратиться династия, тогда воля, бывшим монархам отданная, возвращается к народу... теперь, когда единственной целью правления поставлена была «всенародная польза», а полезным считалось то, что служило к удовлетворению естественных прав человека, — теперь уже странно было ограничивать народную волю одним только выбором властителя с предоставлением ему право делать все, что ему ни понравится. Поэтому другие защитники естественных прав решили, что... народная воля должна быть сохранена за народом, а властителю следует дать только поручение исполнять то, что решит народная воля. Решение народной воли должно быть законом; постановляется это решение или прямо на народной сходке или ... на собрании народных представителей. Такие взгляды мы находим у английского

писателя Локка, у французского писателя Руссо и у многих других»³⁷.

Очевидно, что здесь у Милюкова нет даже признаков исторического анализа процесса развития европейской общественной мысли XVII века. А между тем, индивидуалистическая школа в либерализме, господствующая во Франции и Англии в XVII веке, являлась одной из самых представительных по числу выдающихся мыслителей, принадлежащих к данному направлению в истории общественной мысли (Локк, Монтескье, Смит, Гельвеций, Гольбах, Руссо, Мабли, Морелли, Бабёф), требующей всестороннего исторического исследования. Такого рода исследование осуществил выдающийся русский мыслитель Б.Н. Чичерин, положив в основу изучения истории разработанный им новый метод исторического познания — универсализм.

Исследования Чичерина либеральной общественной мысли XVII века показало, что созданные представителями индивидуалистической школы положили прочные основания либеральным началам европейской жизни, разработав учения о власти народа. Но каждое из этих учений содержало в себе целый ряд недостатков, среди них главное:

1. У Локка — восстание народа — это всегда насилие, а не право, а дуальные начала, из которых исходила его теория, неизбежно вели Локка к анархическим положениям теории, разрушающим самые основы государства;

2. У Монтескье — мысль отправляется не от общего, а от частных элементов жизни и вытекающих из них отношений, что и обусловило его поверхностное и неверное понимание закона вообще;

3. Главный порок материалистических учений Гельвеция и Гольбаха состоит в том, что им имманентно присущи противоречия. Скачки, противоречивость, произвольность присутствуют во всех положениях материалистических теорий, но, главное, в вопросе об общественном договоре Гольбаха. С одной стороны, общественный договор в силу природных и не отчуждаемых прав человека дает каждому право в каждую минуту считать для себя общественный договор обязательным или необязательным, покинуть государство или остаться жить в нем, а с другой, – личность у Гольбаха полностью подчинена государству;

4. У Руссо основное заблуждение состоит в абсолютизации самого понятия свободы, которые у него составляет источник всей общественной жизни. Вообще, у Руссо индивидуализм доводится до крайних пределов, при которых начало свободы должно было в итоге отрицать и само себя.

Подводя итог развития политических учений представителей индивидуалистического направления как определённого этапа развития исторической истины, Чичерин отмечал: «Первый и главный недостаток индивидуалистов заключается в том, что здесь историческое развитие, равно как и все действительные условия жизни, игнорируется или объявляется неправдою, в то время как все явления в человеческом обществе должны рассматриваться через призму истории с учетом действительных условий жизни и обстоятельств. Вторая ошибка всех индивидуалистов-либералов состояла в том, что свобода в своей односторонности провозглашалась ими началом общим и неизменным, что привело к неверному пониманию существа природы права.

Право выводилось ими из личной свободы, между тем как свобода становится правом только тогда, когда она определяется общим законом. Общий же закон обязательный для всех может существовать только между лицами, принадлежащими к одному общему порядку или одному союзу. Поэтому вне общества человек может быть свободен, но не имеет прав, он получает их только в обществе. Поэтому все теории индивидуалистов об общезитии, основанные на началах личного права, каким является общественный договор, совершенно не состоятельны. Образование человеческих обществ не может быть выведено из договора, так как договор предполагает уже права, а права возникают только в обществе. Поэтому выводить государство из общественного договора немыслимо, ибо здесь частное владычествует над общим»³⁸.

Наконец, ещё одним общим недостатком всех индивидуалистов-либералов является смешение ими прав гражданских с естественными. Принимая естественное право и основанное на нем личное право за абсолютную норму жизни, они придавали ему обязательную силу. В действительности же, в государстве одни только гражданские права имеют силу, а естественные права являются всего лишь теоретическим началом, которое может служить руководством для законодателя, но непосредственного юридического приложения не имеют. «Только гражданский закон, переводя эту теорию естественного права в положительное право, дает юридическую силу обязательную для всех», — как верно заключил Б. Н. Чичерин³⁹.

Но еще более удивительным представляется тот факт, что Миллюков, ратуя за «всемирную пользу», вовсе не упоминает учение Бентама, автора идеи «общей пользы» и видного представителя утилитаризма,

всесторонний анализ учения которого дал опять же Б. Н. Чичерин. В этой связи В.Н. Сперанский отмечает: «Пространная глава Чичерина о Бентаме, изумительная по не бывалой смелости антимонархических цитат, содержит в себе уничтожающую критику утилитаризма»⁴⁰.

Действительно, Бентам отвергал не только отвлеченное начало свободы, но и не признавал никакого другого права, кроме того, которое устанавливается положительным законом. Единственным руководством в деятельности законодателя у него должна служить «общая польза». Однако эта общая польза у Бентама основана на личных требованиях, так как частное удовольствие признается им целью всякой человеческой деятельности. А это означает, что в основание данной теории было положено то, что ею же было и отвергнуто, то есть личные требования. «В этом, — отмечает Чичерин, — нельзя не видеть крайнего противоречия мысли... Здесь ярко высказывается недостаток философской способности Бентама». Более того, к этому противоречию добавляется еще одно: удовлетворение личного стремления к счастью у него не предоставляется свободе каждого, а возлагается на законодателя, который должен определить, что составляет наибольшее счастье наибольшего количества людей. «Нельзя было, — пишет Чичерин, — собственными словами представить более сильное опровержение своего же учения»⁴¹.

Казалось бы, Чичерин убедительно доказал научную несостоятельность и опасность претворения в жизнь как учений представителей индивидуалистического направления в либерализме, так и утилитаристов. Однако, нет: Милюков, по выражению А. А. Смирнова «крепко хотел быть лидером во

всём», в том числе, и в философии права, в которой он являлся полным профаном. Только этим обстоятельством, на наш взгляд, и можно объяснить игнорирование Милюковым выводов Чичерина, сделанных им в отношении «знаменитых юристов Европы», а также его самонадеянную претензию определить место, роль и значение русской исторической школы права в развитии общественной мысли России⁴². Будучи профаном в философии права, как мы уже отмечали, Милюков извратил все основные положения учений представителей исторической школы права (юридическая школа, как её называет Милюков) и сделал совершенно ложные выводы: «Юридическая школа, – заключает он, – навсегда покончила с периодом патриотизма и с этической точкой зрения... на Западе сила нового направления (историческая школа права – Г.К.) заключалась в новом методе, в новых приёмах и задачах научного исследования. Естественно, что этот метод...не мог заменить собою в нашей науке недостававшего ей содержания. Между тем, несмотря на это преобладание схемы над содержанием, юридическая формула явилась в науке с претензией быть высшим синтезом. Не удивительно, что и во времена своего господства эта формула не могла ни убедить, ни удовлетворить противников юридической школы»⁴³.

Тот факт, что профанов в науке убедить или удовлетворить чрезвычайно сложно, действительно не удивительно. (Отметим только, опровергая Милюкова, что труды Чичерина к тому времени уже приобрели мировую известность и признание). Удивительным здесь у Милюкова представляется другое, а именно: он проигнорировал результат проведения в жизнь учений «самых знаменитых юристов Европы»

и осуждает Петра I за то, что тот «ослушался» этих европейских знаменитостей и поручил Ф. Прокоповичу написать книгу под названием «Правда воли монаршей», в которой тот обосновывал законность действий Петра в отношении народа, хотя после выбора царя «народ, — пишет Милюков, — не оставил за собой никакой свободы и всю власть над собой отдает ему, что и позволило Петру вмешиваться во всякие обряды церковные, гражданские и прочая, и прочая, полностью лишив народ своей воли»⁴⁴.

Но чем закончила Европа, где народ оставил за собой «свободность», выражаясь языком Милюкова, а европейские властители, в отличие от Петра, послащались своих знаменитых юристов?

Как известно, демократическая свобода восторжествовала в своем полном выражении в ходе французской революции. Французская революция вообще была «дочерью» либерализма (неоиудаизма), выдвинув начала свободы и равенства и сделав их центром, вокруг которого стало вращаться европейское общество, а лозунгом политических партий стала революция или противодействие ей. В 1791 году во Франции была принята конституция, соединившая в себе теорию Монтескье и учение о правах человека Гольбаха, Гельвеция и Руссо. Таким образом, во Франции все было испробовано, но все оказалось напрасным, поскольку результатом французской революции явилась смена одной формы эксплуатации народа (феодальной) другой формой эксплуатации (капиталистической).

Безусловно, что этот результат французской революции был доподлинно известен Милюкову, как известна была ему и подлинная причина установления тиранической власти Петра I в России: Петр I

выполнял требования еврейского Синедриона, став членом лондонской масонской ложи. Так, в 1723 году Петр I отдал распоряжение изъять все духовные и договорные грамоты великих русских князей из монастырей и свести их в Санкт-Петербург под свой личный контроль, что также хорошо было известно Милюкову, поскольку он является автором монографии, посвящённой правлению Петра I, материал для написания которой он собирал, работая в архивах⁴⁵.

Однако в работе «Исконные начала...» Милюков продолжает упорно доказывать необходимость создания в России народного представительства, идея которого, как мы уже отмечали, изначально принадлежала английским масонам-неоиудаистам. Масоном был и сам Милюков, что подтверждается фактами его биографии⁴⁶.

Ничего не меняет Милюков в своем отношении к русскому самодержавию и при рассмотрении им истории правления на Руси Екатерины II, доказывая, что законные основания на власть у русских царей отсутствовали и в годы её правления. Это упорное отрицание Милюковым того факта, что исконные начала в государственном строе Руси изначально включали в свое содержание правовую составляющую, объясняется помимо масонской принадлежности Милюкова, по крайней мере, ещё тремя обстоятельствами, которыми воспользовался и руководствовался Милюков.

Во-первых, Русское государство и русское право формировались одновременно и вырастали на собственной исторической почве путем практическим, без всяких ссылок на еврейское «Священное писание». Но именно этот факт и не могли простить Рос-

сии ни Запад, который со времён Реформации начал жить по закону неоиудаизма, ни тем более еврейсионисты (мессионирующее еврейство), предки которых в течение многих столетий воцарились в огромных богатствах Руси, добившись, наконец, создания в Российской империи своего «кагала» (государство в государстве) во время правления Александра I, о чем так старательно умалчивает Милюков⁴⁷.

Во-вторых, Милюков, сосредоточившись в работе «Исконные начала...» исключительно на вопросе законных оснований русского самодержавия, воспользовался тем обстоятельством, что славянофилы, которых Милюков в своей нескрываемой ненависти к ним именуется «гальванизированными трупами»⁴⁸, делали акцент в своих исследованиях по русской истории, прежде всего на духовно-нравственных основах Русского государства и не касались тем, связанных с вопросом правовых оснований русского самодержавия, верно полагая данный аспект бесспорным.

В-третьих, Милюков не мог не воспользоваться уступками Николая II, подписавшего в августе 1905 года два известных указа («Положение о Государственной Думе» и «Положение о выборах в Думу»), а это обстоятельство, утверждает Милюков, «показало, что самодержавная форма правления на Руси вовсе не была ни исконной, ни неизменной, и все теории славянофилов об исконных началах теперь уже опровергнуты не рассуждением, а самим делом, что теперь уже нельзя говорить, будто в этих порядках ничего менять нельзя»⁴⁹.

Использование Милюковым последнего обстоятельства в качестве аргумента незаконности самодержавия, с нашей точки зрения, есть убедительное свидетельство того факта, что Милюков из историка,

хотя и бездарного, окончательно превратился в активного пропагандиста и проводника сионизма в России.

Ещё одним доказательством справедливости нашего вывода является фальсификация Милюковым фактов, связанных с попыткой Екатерины II ввести так называемые «народное представительство» в России. Он пишет: «Известно, что Екатерина II действительно созвала в начале своего царствования народных представителей, чтобы с их помощью составить новые законы... Народные представители оказались, однако, не такими послушными и желали иметь больше самостоятельности, чем хотела дать им Екатерина. Императрица скоро их распустила по домам по случаю войны с турками и больше не собирала. Мыслей, которые высказали народные депутаты, ей хватило на всё её царствование, но хороших законов издать все-таки не удалось, так как без народных представителей нельзя отделить закона от частной воли государя, и частной воли нельзя отделить от каприза и произвола. Несмотря на все благие намерения Екатерины в России в конце её царствования царил полный произвол... Екатерина была дружна со многими образованными людьми в России и за границей, пока они соглашались с ней. Но как только, — утверждает Милюков, — «в Европе перестали полагаться на добрую волю просвещенных монархов и все надежды возложили на волю самого народа, так Екатерина стала не доверять образованным людям и начала устраивать на них гонения, особенно после того, как во Франции началась революция». Правда, заключает Милюков, Екатерина «уже не так смотрела на свою власть, как государи Московских времён, и готова была

переделать государственное устройство в новом духе, но постепенно, не сразу»⁵⁰.

На этом, собственно, Милюков и завершает свой так называемый «анализ» законности исконных начал в период правления Екатерины, извратив, основываясь на своем социологическом методе, всё, что возможно было извратить в екатерининской эпохе.

Для разоблачения фальши Милюкова обратимся к истории действительной попытки Екатерины ввести в России народное представительство в структуру государственного управления.

Екатерина II пришла к власти в 1672 году, когда либеральные (неоиудаизм) идеи находились на пике своей популярности в Европе. Поэтому она, желая сыскать себе славу просвещенной монархини, начала активно продвигать эти идеи в России: вступила в переписку Вольтером, Дидро, читала Монтескье и Бейли, купила огромную библиотеку у сотрудника Дидро Д. Аламбера, назначив его своим библиотекарем. Провозгласив либеральные идеи «полезными», Екатерина стала всячески их пропагандировать, произведения французских просветителей начали свободно распространяться в русском обществе, и вскоре оно превратилось в общество Французского языка, а русский интеллигент, по выражению В. О. Ключевского «стал в положение межеумка, исторической ненужностью... книжки украшали его ум, сообщали ему блеск, даже потрясали его нервы... но дальше не простирались действия усвоенных им идей»⁵¹.

Результат подобного отношения к чужим, заёмным идеям явился отрыв русского дворянина от реальной русской жизни, что поставило его во враждебное отношение всему русскому. Не менее

опасным следствием влияния французских просветителей стал сам образ жизни русского интеллигента-дворянина, поскольку, страдая от «скуки и всегдашнего безделья (18 февраля 1762 года Петр III подписал «Манифест о вольности дворянства», а в 1775 году Екатерина II подписала «Жалованную грамоту дворянству» – Г. К.) и не находя себе место в русской реальности, многие из них либо полностью замыкались в себе, либо предавались нездоровым и странным утехам»⁵².

Воспользовавшись либерализмом Екатерины в вопросах просвещения, в России оживились масоны, создавая новые тайные общества, куда уходили интеллигенты-дворяне, а известный русский «просветитель» Н. И. Новиков начал легально издавать журналы – «Трутенъ» и «Живописец», распространяя в России ранее запрещенную западную литературу, направленную на дискредитацию русского самодержавия.

Наконец, ещё одним следствием политического заблуждения Екатерины II в период увлечение ею либеральными идеями явилось её восприятие иезуитов, но, главное, евреев, которым она всячески покровительствовала. Екатерина прямо писала о своей слабости «к этому драгоценному зелью», которых, по её выражению, «я берегу, как самых добрых и умных граждан», предлагая всем, кто указывал на необходимость сдерживать евреев «справедливыми ограничения в видах общественного и государственного блага», «оставить в покои моих плутов»⁵³. Таким образом, единственный факт, на который верно указал Милюков в своем освещении Екатерининской эпохи, – это роспуск ею народных представителей (Большая уложенная комиссия).

Однако и в этом вопросе Милюков обнаруживает ещё раз своё полное философско-правовое невежество, заявляя, что «хороших законов издать ей всё-таки не удалось, так как без народных представителей нельзя отделить закона от частной воли государя, и частной волю – от каприза и произвола»⁵⁴. Отсюда, по его мнению, и полный произвол Екатерины.

Но, во-первых, Большую уложенную комиссию Екатерина распустила ещё в 1769 году, то есть задолго до начала революции во Франции; во-вторых, на наш взгляд, это действие с политико-правовой точки зрения явилось вполне оправданным выражением её монаршей воли в силу следующих оснований.

Дело в том, что всякое нарушение чужой воли, которое осуществляется государством в виде правосудия или личной воли государя, есть насилие (правомерное или не правомерное). Отсюда и возникает проблема столкновения права с политикой государства. Постановку и решение этой сверхсложной проблемы мы находим в работе крупнейшего русского правоведа Б.Н. Чичерина. Неизбежность столкновения права с политикой он объясняет тем фактом, что против верховной власти в лице государства, которое является судьей в юридической области, нет правомерного принуждения, а всякое принуждение (правомерное или не правомерное) идет именно от верховной власти, выше которой другой нет. Кроме того, причину неизбежного конфликта между правом и государством Чичерин усматривает в том, что право по существу своему есть начало чисто формальное, и оно определяет только то, что каждый может делать или требовать. Содержание же самой деятельности власти предоставляется на её усмотрение, а здесь

господствует начало целесообразности, которое и есть начало политики. «Таким образом, – заключает Чичерин, – с одной стороны, деятельность государства определяется правом, а, с другой стороны, это самое право является средством для достижения цели... а право и целесообразность далеко не всегда совпадают»⁵⁵. Отсюда и проистекает постоянное столкновение права с политикой, а, следовательно, и необходимость определения границ действия права и политики в государственной жизни.

При определении этих границ Чичерин исходит из того, что право устанавливает постоянный порядок равно обязательный для всех. Но когда право становится спорным, то тут только политика должна решать, следует на нем настаивать или нет, в силу того, что пользование правом есть дело усмотрения власти. Следовательно, делает он вывод этот вопрос имеет чисто политический характер. Поэтому Чичерин резко выступает против использования юридических оценок для достижения политических целей, поскольку та цель, которая при этом достигается, не компенсирует зло, порожденное строгой приверженностью к праву. «Становиться на чисто юридическую точку зрения, – пишет он, – служит признаком недостатка политического смысла. Юридические тонкости всего менее пригодны для их решения. Настаивать на праве, когда приложение его вредно, может вести к весьма серьезным последствиям»⁵⁶.

Но, если это так, то Екатерина II, распустив Большую уложенную комиссию, действовала вполне политически верно и в соответствии с принципами, изложенными ею в «Наказе императрице Екатерины II», основные положения которого гласили:

- 1) самодержавная монархия является единственной и необходимой формой правления для России;
- 2) основным источником закона и его истолкователем является монарх;
- 3) сословная организация российского общества является единственно правомерной;
- 4) монархия является залогом защиты всего российского общества.

Отсюда следует, что заключительный вывод Милюкова о том, что «для Екатерины русский политический строй не представлялся чем-то неизменным и вечным» и она была убеждена в том, что «дух времени требует перемен», – эта фантазия есть желание самого Милюкова, но никак не Екатерины. Правда, Екатерина совершила одну роковую ошибку, а именно: находясь в молодости под солнцем французских максим, она доверила воспитание и образование своего внука Александра I убежденному швейцарскому либералу-республиканцу полковнику Легару. Другим наставником Александра был назначен ею писатель-либерал М. Муравьев, также воспитывавший наследника на идеях французских просветителей. Итогом работы Муравьева стал тот позорный факт, что по причине плохого знания русского языка при решении сложнейших государственных вопросов Александр I вынужден был переходить на французский, а конечным результатом такого рода наставничества явилось формирование у Александра I мировоззрения, в котором не было места реальной русской действительности, что едва не закончилось для России 14 декабря 1825 года революцией, убийством Николая I и свержением самодержавия.

ГЛАВА II

ИСКОННЫЕ НАЧАЛА РУССКОЙ ЖИЗНИ В НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ П.Н. МИЛЮКОВА

Правлению Александра I в своей концепции истории русского самодержавия Милюков уделяет гораздо больше внимания, что объясняется прежде всего его высокой оценкой деяний М.М. Сперанского — статс-секретаря и ближайшего советника императора Александра I (с 1808 года), автора плана кардинальных реформ в России, инициатора создания Государственного Совета (1810), генерал-губернатора Сибири (1819-1821гг.) и, наконец, руководителя II отделения Собственной его императорского величества канцелярии по кодификации основных законов Российской империи.

А между тем, по данным русской разведки, Сперанский, являясь масоном высокого градуса, с самого начала наполеоновских войн установил «сношения с Францией», а во время заграничного похода русской армии в Европу передавал Наполеону военные планы русского командования, что привело к ряду неудачных операций русских сухопутных войск в Европе, а также перебоям в снабжении оружием, провиантом и большим людским потерям. После вторжения Наполеона в Россию Сперанский воспользовался тем, что «случайно употреблённый в делах внешней политики», позволял себе сам снимать копии с некоторых секретных

депеш Министерства иностранных дел для передачи их Наполеону.

Однако Милюков об этом факте умалчивает. Едва ли можно допустить, что Милюков не знал о предательстве Сперанского и, являясь автором работы «Источники русской истории и историографии», не был знаком с исследованием Ф.М. Дмитриева¹, в котором он дал историографический анализ литературы, посвященной государственной деятельности Сперанского, а уж тем более допустить, что не был знаком с монографией М. А. Корфа². Источниковой базой монографии Корфа были материалы всех государственных архивов России, где хранятся дела, связанные с деятельностью Сперанского. Более того, Корф провел собственные подробные изыскания деятельности Сперанского.

И работа Ф. М. Дмитриева, и фундаментальное исследование М. А. Корфа подтверждают неслучайность головокружительного взлёта Сперанского по государственной службе: от титулярного советника со званием магистра (1797 г.) до статс-секретаря Александра I. Но, главное, Сперанский работал только по поручению самого государя и пользовался его особым доверием, а, получив титул графа, стал, по выражению самого Александра I, «моей правой рукой». Как отмечает Ф.М. Дмитриев, М.М. Сперанский (еврей по происхождению) был внедрен в ближайшее окружение Александра I масонами «с прямой целью – расстроить все отрасли управления в России и привести государство к гибели»³.

Именно по предложению и под редакцией Сперанского в 1804 году было обнародовано «Положение об евреях», одобренное самим царём. Главный вывод, который сделал Сперанский в этом

«Положении...», гласил: «Самая лучшая система, какой правительство должно держаться относительно евреев, — это система *laisser faire, laisser aller* — сколь можно менее запрещения, сколь можно более свободы». Именно такому принципу невмешательства и следовало русское правительство: евреи никогда не встречали со стороны правительства Александра I никаких препятствий в удовлетворении своей алчности и наживы, гарантируемых им «Положением об евреях»⁴.

Чрезвычайно показательной является характеристика Сперанского, данная ему Корфом: «... замечательно, что мягкий и оболстительный с виду, он ни с кем не делился своим внутренним миром... Сперанский, скажем словами барона Корфа, уже являлся зародышем той ловкой вкрадчивости, того умения выказать себя, которые остались при нём на всю жизнь»⁵. Поэтому в русском обществе ходили догадки и предположения о причинах столь близких отношений Сперанского с императором, которые вскоре становятся интимными, и, сохраняя звание статс-секретаря, он работает только по поручению самого государя»⁶.

Естественно, что такое «могущество» Сперанского многих побуждало хранить молчание о его антирусских деяниях, тем более Сперанский, по выражению Ф. М. Дмитриева, «всегда был на стороже» и за год до падения прибег к обычной для предателей тактике: предложил государю удалить его со всех постов, кроме директора комиссии законов»⁷.

Однако Александр I вопреки огромному количеству докладов, записок и доносов на Сперанского, вопреки резко отрицательному общественному мнению о нём, в том числе и сестры Александра I

Екатерины Павловны, вопреки беспристрастному голосу Н. М. Карамзина, продолжал благосклонно относиться к Сперанскому, а в 1809 году поручил ему разработать проект конституции России, по которой монарх фактически лишался власти, так как предлагалось учредить «тайный комитет», который управлял бы всеми делами, используя Государственный Совет, Сенат и министерства в качестве инструментов своей власти.

Наконец, только в начале февраля 1812 года после доклада императору министра полиции А. Балашова об антигосударственной деятельности Сперанского, расстройстве им всей финансовой системы страны, о ненависти русского народа к его налоговой реформе и других антироссийских деяниях, Сперанский был отправлен в ссылку в Нижний Новгород, затем в Пермь, где он обучался еврейскому языку, а затем в Пензу. Но в 1819 году Александр I назначил Сперанского на должность генерал-губернатора Сибири, то есть должность, которая по выражению Ф. М. Дмитриева, «есть место систематического грабежа и официального разбоя»⁸. (До Сперанского во главе Сибири стоял И. Пестель, отец декабриста П. И. Пестеля). Но, оказавшись в Сибири, Сперанский по-прежнему продолжал работать против России: написав конституцию для окраин Российской империи, он не прекращал мечтать о гибели России и начать её развал с Польши и Финляндии.

Плачевными оказались результаты его деятельности и на посту распорядителя работ комиссии, созданной для составления свода законов Российской империи по поручению Николая I. Дабы Сперанский, как заявлял Николай I, «не наделал таких же проказ, как в 1810 году», он поставил

работу Сперанского под контроль со стороны Балуженского, но эти меры мало помогли⁹. По заключению Дмитриева, Сперанский, поразительный ловкач и комбинатор, не имея юридического образования и не являясь ученым, «не мог почерпнуть верного понимания права из собственного опыта. Поэтому система составления свода законов была взята им из римского права и только приложена к нашему законодательству. Оттого на ней лежит характер внешности... Важнее другие упреки – в неверном понимании смысла тех русских законов, из которых извлечены статьи «Свода»; в возведении частных случаев в общие правила, которые есть не прямо, но косвенно противоречащие друг другу; в повторениях и нелепостях; наконец, в том, что, принимая за источник одни законы, «Свод» стал в противоречие с судебной практикой и принял такие правила, несостоятельность которых уже давно была доказана опытом»¹⁰. Таким образом, и в период правления Александра I и Николая I государственная деятельность Сперанского имела своим следствием отрицательный результат и носила антироссийский характер.

Казалось бы, все подробности деятельности Сперанского на государственном поприще, выявленные ещё в середине XIX века, Милюкову, претендующему на знание русской историографии, не дают никаких оснований для иных выводов. Однако Милюков вопреки всем выявленным и многократно проверенным историческим фактам дает в своей работе «Исконные начала...» чрезвычайно высокую оценку антироссийской деятельности Сперанского, а начертанное в 1809 году его рукой «Предисловие» к конституции определяет, как «золотые слова»¹¹.

Эти «золотые слова» Сперанского, согласно его конституции, призваны были осуществиться в России следующие «перемены» и обосновывались им следующим образом: «В каждой эпохе, — пишет он, — образ правления должен быть соразмерен степени гражданского образования, на котором стоит государство. Каждый раз, когда образ правления отстает от этой степени или предворяет её, он ниспровергается с большими или меньшими потрясениями... Итак, время есть первое начало и источник всех политических обновлений. Никакое правительство, с духом времени не сообразное, против всемогущего действия времени устоять не может. Посему первый и главный вопрос, который в самой преддверии всех политических перемен разрешить должно, есть благонамеренность их начинаний»¹².

Бесспорно, всякий обществовед, ознакомившись с подобного рода «обоснованием», придет к выводу: это какой-то абсурд. Действительно, абсурдным здесь является всё — от первого до последнего «золотого слова» Сперанского. В самом деле, что такое «степень гражданского образования, на котором стоит государство»? Как образ правления может «отставать» либо «предварять» неведомую степень гражданского общества? В силу каких причин и обстоятельств «время» есть первое начало и источник всех политических обновлений, будучи величиной абсолютно абстрактной и лишенной вообще каких-либо конкретных политических и социально-экономических наполнений? Наконец, где в подлунном мире, кто и когда находил государство, которое, стоит на какой-то степени гражданского образования?

Оказывается, такое государство было! Для Милюкова и Сперанского таковым являлось государство

Российское: «Сто лет тому назад, – пишет Милюков, – Сперанский находил, что политическая перемена в России «благовременна», потому что государство наше стоит ныне во второй эпохе феодальной системы, то есть в эпохе самодержавия, и без сомнения имеет прямое направление к свободе. Несомненность этого направления к свободе, – заключает Милюков, – была ясна для Сперанского, причём по признакам, которые Милюков старательно перечисляет:

1) «Перемена в предметах народного уважения», то есть, когда «чины и почести перестают цениться, а «разум начинает распознавать цену свободы»

2) «Ослабление власти... С горечью, но с достоверностью можно сказать, что в настоящем положении все меры правительства, требующие не физического, но нравственного повиновения... бессмысленны».

3) «Невозможность частных исправлений. Все исправления частные – всё, так сказать, пристройки к настоящей системе были бы весьма непрочно... законы каждый день могут быть разбиты о первый камень самовластия».

4) «Общее недовольство и склонность к критике всех правительственных действий...». Это недовольство Сперанский объясняет «изменением взглядов, глухим, но сильным желанием другого порядка вещей. По сим признакам, – делает вывод Сперанский, – можно, кажется, с достоверностью заключить, что настоящая система правления не свойственна уже боле состоянию общественного духа и что настало время переменить её и основать новый порядок вещей... Нет примера в истории, чтобы народ просвещенный и коммерческий мог долго оставаться в рабстве». Наконец, Сперанский заключает, что

нужна политическая система, при которой не народ должен приспособливаться к правлению, а правление – к состоянию народа»¹³ – «золотые слова», по определению Милюкова.

Стоит только внимательно вчитаться в эти «золотые слова» Сперанского, как нам, помимо логического абсурда его «Предисловие» к конституции, откроется умело расставленная им классическая ма- сонская ловушка для народа.

Во-первых, все четыре признака, которые, якобы, свидетельствуют о несомненном направлении России к свободе, в действительности, только подтверждают желание самого Сперанского скорейшей революции в России и свержения самодержавия с целью утверждения «нового порядка», то есть господства неоиудаизма. О том, что именно мессионирующее еврейство должно утвердить «новый порядок» в России прямо говорит сам Сперанский: «Нет примера в истории, чтобы народ просвещенный и коммерческий мог долго оставаться в рабстве». Но «коммерческим народом» в Российской империи всегда являлся еврейский народ, но никак не русский, либо какой-либо другой народ, в котором действительно веками росло «глухое, но сильное желание другого порядка вещей».

Во-вторых, Сперанский, а за ним и Милюков, ставят здесь знак равенства между понятиями «народ» и «общество». Но это – разные понятия и по объему, и по содержанию, а также по своей роли в историческом процессе. Народ (народность) – это только часть общества, куда входит множество разных народов. Более того, еврейский народ, став частью русского общества, никогда в него не интегрировался по причине отторжения им христианства.

В этой связи Б.Н. Чичерин верно отмечал: «... евреи, оставшись верными Ветхому завету и отвергнув христианство, были обречены на дальнейшее историческое бесплодие...они остались обломками пережитого прошлого...не сливаясь органической связью с окружающей средой, а потому и не живя с ней общей жизнью»¹⁴. Таким образом, Сперанский, выражая извечно агрессивные устремления еврейского народа по отношению к России, вовсе не выражал желание и волю всего российского общества. Напротив, разработанный Сперанским общий план реформ в России вызвал всеобщее недовольство русского общества – от крестьян до подавляющей части дворянского сословия.

Причина всеобщего недовольства народов России состояла в том, что по плану Сперанского всё государственное управление делилось на три ветви власти: законодательную, исполнительную и судебную. Причем, все органы власти, начиная с волостных учреждений, носили выборный характер. Во главе законодательной власти должна была стать Государственная Дума, во главе исполнительной – министерства, а во главе судебной – Сенат. Деятельность всех органов власти должна была подчиняться Государственному Совету, состоящему из аристократии, которая, как известно, была представлена, главным образом, выходцами из немецких и польских родов, а также из представителей еврейского кагала. Как видим, по общему плану реформ Сперанского места монарху в структуре государственной власти не оставалось, и Россия, таким образом, превращалась из монархии в республику.

Откровенно в антироссийском и антинародном духе решался Сперанским и крестьянский вопрос.

Согласно его плану, крестьяне получали свободу, но без земли. На практике (в случае реализации проекта) это означало бы образование почти сорокамиллионной армии свободных нищих в России. Более того, по плану Сперанского все налоги с населения удваивались и вводился так называемый прогрессивный налог с земель помещиков, размер которого по тем временам был очень высоким – 10%. И только под сильнейшим давлением русского общества (исключая кагал) Александр I вынужден был отказаться от проекта реформ Сперанского, первоначально утвердив его, хотя ни сам царь, ни его министры, ознакомившись с представленным планом, не смогли совместить его ни с реальными потребностями страны, ни с политическими и социально-экономическими возможностями, то есть осознавали всю его катастрофичность.

Поэтому с одним доводом Милюкова можно согласиться. В частности, он верно отмечает, что в 1814 году, то есть через два года после отставки Сперанского, Александр I посетил Англию, где он, по словам Милюкова, «с воодушевление говорил английским либералам, что в России необходимо образовать оппозицию (то есть партию недовольных правительством), чтобы ввести парламентскую форму правления. Но через два года, в 1816 году отправился в Англию младший брат царя, Николай, и его снабдили особым наставлением, в котором ему советовали не верить, будто такую самородную вещь, как английская конституция, можно пересадить в Россию – в совсем другой климат и обстановку»¹⁵. Действительно, Александр I до конца жизни оставался убежденным либералом; даже сам факт его загадочной смерти, и появление в Сибири некого

старца Федора (возможно, Александр I) вызывает по сей день много вопросов у историков, о чём умалчивает Милюков.

Опуская множество важнейших событий и фактов, раскрывающих действительные причины происходящего в стране в годы правления Александра I и Николая I, Милюков в тоже время без всяких обоснований объявляет единственной причиной «перемен во взглядах петербургского правительства» тот факт, что, пишет он: «В эти самые годы появилось в России настоящая оппозиция, которая через десять лет привела к заговору декабристов. Общественное недовольство так испугало правительство, что вместо того, чтобы послушать Сперанского и уступить общественному желанию, правительство стало преследовать людей, желающих политических перемен... Недовольство в свою очередь усиливалось от преследования, а преследование опять-таки возрастало с возрастанием недовольства и так получался какой-то замкнутый круг, из которого, казалось бы, не было выхода»¹⁶.

Таким образом, Милюков настойчиво возвращается к тезису об общественном недовольстве и общественном желании политических перемен в России. С исторической точки зрения мы уже показали несостоятельность этого тезиса, поскольку Милюков поставил знак равенства между понятиями «общества» и «народ». А вот с социологической точки зрения этот Милюковский повтор призван был внушить русскому народу психологическую установку на неотвратимость политических перемен, поскольку, как он пишет, «круг-то замкнулся», а выхода — нет. Отсюда следовало, что этот «заколдованный круг» необходимо разорвать, как предлагал в свое

время Сперанский, однако его, по выражению Милюкова, «не послушались».

Оправдав Сперанского, Милюков переходит к изложению содержания «русской идеи» славянофилов: «В это-то время и была придумана для защиты старины та теория, что русский политический строй неразрывно связан с русской национальностью, что в нем отразился народный дух и поэтому изменить его нельзя... Этот взгляд придуман был небольшой кучкой молодых людей, которые в самом деле верили... что сохранивши этот свой особый дух, русский народ покажет себя всему миру, и весь мир от России научится чему-то великому и важному. Эти молодые писатели называли себя славянофилами. Правительство не доверяло им и считало их фантазерами... Но когда они утверждали, что... следует хранить неизменными свои исконные начала жизни, — то это совпадало с желанием правительства сохранить старые порядки. Славянофилы ценили в старине дух, а не форму, а власти именно хотели сохранить форму. Славянофилы заботились о народе как хранители духа, а власти особенно оберегали государство, в котором славянофилы уже ровно ничего духовного не видели» (Милюков П. Н. «Исконные начала» и «требования жизни» в русском государственном строе. Р.-н /Д. 1905. С. 16.)

Нетрудно заметить, что Милюков, извращая и примитивизируя славянофильскую концепцию русской идеи, заведомо умалает её масштаб и значение. Так, если план реформ и проект конституции Сперанского Милюков представляет как выражение желания и «требования всего российского общества», то русскую идею славянофилов — «как фантазию небольшой кучки молодых людей». Этот

психолого-социологический прием Милюков будет активно использовать и при характеристике славянофилов, и при определении им отношений между государственной властью и славянофилами, утверждая наличие между ними «несовпадения» в понимании исконных начал. А между тем, единственное различие между ними в данном вопросе состояло только в том, что, если славянофилы на первое место в триаде (православие, самодержавия, народность) ставили народность, то в теории официальной народности (а это – государственная идеология) на первое место ставилось православие. Но, главное, Милюков вовсе не замечает противоречия, которым он опровергает самого себя, а именно: первоначально он утверждает, что славянофилы «придумали теорию, согласно которой русский политический строй неразрывно связан с русской национальностью, что в нем отразился народный дух и поэтому изменить его нельзя», а завершает свое извращение славянофильской русской идеи тем, что утверждает: славянофилы «в русском государстве уже ровно ничего духовного не видели».

Однако, рассматривая проблему отношений славянофилов и самодержавия, Милюков не ограничивается одним психолого-социологическим приемом. Здесь он применяет едва ли не весь арсенал приёмов социологического метода, доказывая «нежизненность» и недееспособность как славянофильской «русской идеи», так и теории «неофициальной народности». «Казалось бы – , пишет Милюков, – если исконные начала жизненны и неизменны, то и охранять их нечего: они сохраняются сами собой. Но то, что охраняла власть, было уже мертво и гнило и поэтому приходилось напрягать все силы,

не останавливаясь даже перед крайними мерами, чтобы только как-нибудь уберечь старые формы от окончательного разрушения. Но жизнь чем дальше, тем больше вырастала из старых форм..., и попытка охранить исконные начала от изменений, каких требовала жизнь, вызывала только ожесточение... защитники исконных начал потеряли уважение и доверие к себе, возбуждая только одно негодование... которое копилось в течение всего царствование императора Николая I»¹⁷.

Действительно, ожесточение и негодование мессионирующего еврейства против самодержавия в годы правления Николая I приобрело небывалый накал, поскольку Николай I, сменивший на русском троне Александра I, являл собой полную противоположность своего брата: широко и разносторонне образованный, он обладал ясным умом, уравновешенным характером, а все его мысли, действия и поступки были направлены на укрепление исконных начал в русской жизни и борьбу с масонством, причем, как в России, так и в странах Западной Европы, что убедительно подтверждает его внутренний и внешнеполитический курс.

Приговоренный по замыслу декабристов-масонов к смерти и чудом оставшись в живых (гвардейский офицер так и не решился выстрелить в царя), Николая I после судебного расследования дела декабристов, спасая Россию от масоно-иудейской пропаганды и искореняя её, поставил в качестве главной задачи: укрепить центральный аппарат управления государством, создав в стране хорошо продуманную систему монаршей опеки всех сторон жизни российского общества. Главным инструментом этой системы стала «Собственная его императорского

величества канцелярия», созданная ещё Александром I. Реализуя поставленную задачу, Николай I не только расширил функции канцелярии, но и, разделив её на шесть отделений, превратил канцелярию в один из высших органов государственной власти.

Особое внимание он уделял двум отделениям: III отделению (высшая полиция), которое являлось органом личного осведомления царя по всем вопросам состояния государства, и IV отделению, созданному для управления учебными и благотворительными учреждениями, то есть просвещению, поскольку Николай I рассматривал просвещение как важнейшее средство защиты и пропаганды идеи православия, самодержавия и народности, что было вполне правомерным после восстания декабристов, покусившихся на самодержавие, а, следовательно, на сами исконные начала государственного строя России. В этих целях в 1826 году был принят «Цензурный устав», главным требованием которого являлось запрещение допускать в печать произведения, в которых явно или скрыто содержался призыв к революции и обличался русский политический строй. В 1835 году был принят новый университетский устав, который существенно ограничивал автономии университетов в России.

Но революция 1848-1849 годах в Европе вынудила Николая I в целях обеспечения безопасности страны перейти к корректировке внутривнутриполитического курса в сторону его ужесточения: запрещен был въезд иностранцев в Россию, а русским гражданам выезд за границу; подданным, находившимся за рубежом, предписывалось вернуться в Россию под угрозой лишения их русского подданства, а всем начальникам предоставлялось право увольнения

с работы «неблагонадежных» чиновников. Таким образом, для миссионирующего еврейства в России наступил тяжелый времена. Трудными они оказались и для миссионирующего еврейства (неоиудаистов) в Европе, поскольку на помощь для подавления революций по просьбе европейских стран пришла русская армия. Но если это так, то все так называемые «преследования людей, желающих политических перемен», о чем возмущенно пишет Милюков, являлись вполне оправданными и законными со стороны власти, поскольку вызваны они были исключительно требованием безопасности страны.

Столь же ложными являются и все стенания Милюкова относительно «настроения общества» после неудачного исхода Крымской войны. Согласно Милюкова, «в это время раздражение общества» было столь велико, что оно уже не удовлетворялось земской реформой, а «хотело получить еще больше: хотело, чтобы и дела всего государства тоже решались выборными депутатами»¹⁸. Это свое желание «получить еще больше» миссионирующее еврейство пыталось осуществить посредством внедрения в ближайшее окружение Александра II своих агентов. Таковым являлся министр внутренних дел П.А. Валуев. Осенью 1863 года он представил Александру II подробный план реформы, по которой выборные депутаты от земств получали право участия в работе Государственного Совета, а также право голоса при принятии законов. Но Милюков в очередной раз сам себя и опровергает, заявляя следующие: «Дело в том, что в том же 1863 году русское общество распалось на две партии: одни... не хотели никакой политической реформы, другие были рады отказаться от реформы, потому что стояли за сохранение

старого порядка»¹⁹. Отсюда следует, что никакого общественного негодования после неудачного исхода Крымской войны, как утверждает Милюков, в России не было. Напротив, и во властных структурах, и в русской общественной мысли в целом после чувства горечи поражения шёл спокойный и вдумчивый анализ причин поражения, а вскоре началась разработка проекта крестьянской реформы.

Разработка проекта крестьянской реформы также вызвала необычайно высокий подъем общественной активности всех сословий русского общества. Вот что по этому поводу, изучив всесторонне проблему, писал Б. Н. Чичерин: «Если мы взглянем на то, что было высказано в то время в приложении к настоящим жизненными задачам, то мы должны признать, что русская мысль стояла на высоте своего призвания. Вопросы были поставлены верно, цели указаны правильно, сами способы действия были разработаны обдуманно и со знанием дела. Вся программа царствования (Александра II – Г.К.) была заранее начертана в умах»²⁰. Таким образом, негодование в России после Крымской войны испытывало только мессионирующее еврейство, но совершенно по другим основаниям, а именно: всякий раз, когда на Россию падало тяжелое испытание, они рассматривали это несчастье как благоприятный момент для захвата власти в стране и свержения самодержавия.

Однако и после Крымской войны, и после отмены крепостного права самодержавие с его исконными началами оставалось неизменной формой правления, а русское общество всякий раз подтверждало свою приверженность монархии.

Это нежелание русского народа менять форму политического устройства в своей стране, эта

приверженность монархии и явилась главной причиной создания в России миссионерскими евреями в 60-80х-года XIX века целой сети революционных групп, кружков и обществ: «Земля и воля» (1861), «Народная расправа» (1864), «Южно-российский союз рабочих» (1875), «Северный союз русских рабочих» (1878), «Народная воля» и «Черный передел» (1879), группа «Освобождение труда» (1880) и множество других революционных групп под общим определением «народничество».

Революционное народничество по указанию «Синедриона» через русскую секцию первого, а затем второго Интернационала меняло тактику и методы борьбы с самодержавием в России (индивидуальный террор, хождение в народ, пропаганда социализма среди рабочего класса и т.д.), но цель их подрывной работы – свержение самодержавия и социалистическая революции в России – оставалась неизменной.

Ещё в 1869 году один из руководителей кружка «Народная расправа» П.Н. Нечаев, осужденный за теракт в России, бежал в Швейцарию, где совместно с другими, бежавшими из России революционерами (А. Герцен, Н. Огарёв, М. Бакунин), разработал «Катехизис революционера» – своего рода кодекс для всей революционной социал-демократии. «Катехизис революционера» определял революционера как человека, у которого не должно быть ни чувства, ни привязанности к родине, ни даже своего имени. «Катехизис» оправдывал любую ложь, мистификацию, шантаж и террор как средство необходимое для подготовки революции в России. Разработанные в «Катехизисе» методы революционной борьбы последовательно реализовывались в России, а система-

тические террористические акты, организованные народовольцами, становились серьезной угрозой государственной безопасности страны.

Уступая натиску народовольцев, Александр II в феврале 1881 года подписал проект министра внутренних дел графа Лорис-Меликова, по которому при Государственном Совете создавалась общая комиссия, составленная из представителей земств и так называемых «сведущих людей» (масонов). Проект предусматривал выработку общей программы и «солидарность действий» общей комиссии с Государственным Советом. Однако, несмотря на уступки Александра II, на него началась настоящая охота, и 1 марта 1881 года (после шести неудачных покушений) Александр II был убит народовольцами.

Продолжая фальсифицировать историю самодержавия, Милюков в своих «Исконных началах...» даже не упоминает ни о народниках, ни о либеральных реформах Александра II, ни о его огромных уступках мессионирующим евреям, ни о его убийстве, но при этом заключает: «Таким образом, работа общей комиссии имела значение исключительно совещательное и ни в чём не изменила существующий порядок издания законов... После 1881 года наступила такая же перемена в общественных настроениях, как и после 1863 года, и правительство опять нашло не нужным вводить реформы»²¹.

В действительности, вступивший на русский трон после убийства Александра II Александр III не только «нашел не нужным вводить реформы», но и всем своим государственным курсом поставил жёсткий заслон на путях проникновения в правительственные круги либеральных земских элементов. Огромная заслуга в принятии решительных

мер в борьбе с масонством безусловно принадлежит профессору права Московского университета, обер-прокурору Синода, статс-секретарю императора К. П. Победоносцеву. Убежденный державник и консерватор, человек величайшего ума, одарённости и энциклопедических знаний, Победоносцев оказал огромное влияние на весь ход исторической жизни России последней четверти XIX века. Выдвинувшись в ряды первоклассных отечественных цивилистов ещё до возвышения его на государственном поприще, Победоносцев разработал «Курс государственной науки», ставший первой детальной разработкой в России теории русского права. Теория русского государственного права, разработанная Победоносцевым, была тесно увязана с русской историей и жестко противостояла германской юридической схоластике, отрешённой от истории. Став действительно идейным оплотом самодержавия, Победоносцев как носитель здорового консерватизма был глубоко убежден в том, что русская государственность и форма правления не нуждаются ни в какой радикальной ломке. Поэтому он направлял политику Александра III в русло постепенного эволюционирования законодательства.

Именно Победоносцев сыграл решающую роль в спасении России от готовившейся ей масоно-либералами ускоренной гибели, поскольку, когда министр внутренних дел Лорис-Меликов представил Александру III свой революционный проект, предусматривающий создание «общей комиссии» из земских деятелей и «сведущих людей» при Государственном Совете, выступивший при обсуждении этого проекта в Совете министров Победоносцев признал его «угрожающим самодержавию и не соответствующим

началам русской жизни», то есть несоответствующим исконным началам в русском государственной строе. В итоге, проект Лорис-Меликова принят не был, а сам он отправлен Александром III в отставку.

Но, если это так, то полную победу в борьбе с либерал-масонами одержал Победоносцев. Отсюда следует, что исконные начала русского государственного строя, изначально базирующиеся на русском праве и имеющие прочные исторические корни, продолжали совершенствоваться на основе именно русского права. Неслучайно поэтому Милюков в своей работе, посвящённой исконным началам, даже не упоминает ни Александра III, ни Победоносцева, так как в противном случае его ложь становилась бы совершенной очевидной.

Наконец, Милюков подходит к заключительной части своей лжеистории русского самодержавия – началу XX века, когда в России, – пишет он, – «русский народ стал несравненно развитие и сознательнее», а потому гораздо большее число людей стало понимать, «в чём корень зла и как поправить дело... Не только множество частных лиц, но много всяких общественных собраний, земских, городских и иных – принимали решения..., печатали и посылали их в Совет Министров, указывая, что именно нужно сделать, чтобы вывести Россию на правильный путь спокойного развития... и правительство теперь не могло пренебречь общественным настроением. Министр Булыгин внес в Совет Министров проект... и теперь этот проект утвержден и стал законом 6 августа 1905 года... мы теперь получили Государственную Думу более чем из 500 народных представителей»²².

Из всего сказанного здесь Милюковым правду составляет только один факт: 6 августа 1905 года

Николай II подписал два указа: «Учреждение о Государственной Думе» и «Положение о выборах в Думу». Но разоблачение милюковской лжи, содержащейся в заключительной части его работы «Исконные начала...», мы начнём с того, что еще на рубеже XIX – XX вв. II Интернационал по указанию Синедриона поставил перед своими «товарищами»²³ сверхсекретную задачу: осуществить социалистическую революцию в России в ближайшие годы. Именно с этой целью в 1897 году одновременно с созданием специального еврейского штаба сионистов (в Израиле и в США) в России был создан «Всеобщий Еврейский Рабочий Союз» (БУНД), а в 1898 году – РСДРП – прямые исполнители указаний Синедриона.

Парадокс истории русского самодержавия, однако, состоит в том, что одновременно с Указом Николая II о создании в России Государственной Думы, в 1905 году С. А. Нилус опубликовал «Протоколы собраний сионских мудрецов»²⁴, в которых изложена систематическая программа тайного захвата власти над миром. Издание «Протоколов собраний сионских мудрецов» грозило сионистам возможностью полного срыва реализации своего преступного плана в России. Поэтому все милюковские уверения относительно множества общественных собраний, которые направляли в Совет Министров свои решения с предложениями «передать законодательные функции народным депутатам и тем самым вывести Россию на «правильный путь», есть ничто иное как попытка Милюкова скрыть от русского народа неожиданно открывшуюся для него страшную правду.

К величайшему несчастью России, эта попытка Милюкова удалась, главной причиной чего явилась

тайная антироссийская предательская деятельность, прорвавшихся в высшие эшелоны власти масонов: С. Ю. Витте, В.К. Плеве, П. А. Столыпина и др., которые всеми мерами и рычагами государственной власти препятствовали распространению в России «Протоколов собраний сионских мудрецов». В итоге, все усилия С. А. Нилуса, направленные на упреждение российского общества о нависшей над ним смертельной угрозе оказались тщетными: задача, поставленная Синедрионом перед сионистами в России, в 1917 году была реализована в полном объеме, а ложь Милюкова в исторической науке советского периода восторжествовала.

Правда, ненадолго, ибо логика истории неумолима, поскольку исторический процесс мысли выражает, с одной стороны, логическое развитие присущих ей начал, а, с другой стороны, фактическое развитие этих начал не в сознании одного субъекта (мыслителя), подверженного ошибкам, а в сознании последовательного ряда мыслителей, связь которых определяется основным законом диалектики. Именно благодаря этой особенности процесса развития исторической мысли любое заблуждение, умолчание или ложь в конечном счете наукой историей и выявляется.

Как известно, в 1903 году Председателем Совета Министров был назначен министр финансов С. Ю. Витте. В первый год своей деятельности, находясь во главе правительства, он ничем не выдавал своего враждебного отношения к царскому политическому режиму. Однако уже с конца 1904 года Витте начал проводить социально-экономический и политический курс, идущий в разрез с интересами России, доказательством чего служат следующие

факты: именно Витте настоял на объявлении в 1904 году войны Японии в разгар революционных событий в России; именно Витте являлся инициатором создания «особого совещания» по вопросам сельскохозяйственной политики, основной задачей которого он объявил перевод крестьян с общинного землевладения на подворное и хуторское, что означало разрушение сельской общины и шло в разрез как с интересами крестьян, не желающих выходить из общины, так и с интересами государства, традиционно опирающегося на сельскую общину. По этой причине Николай II отказал Витте в его инициативе. Более того, в интересах крестьян в 1903 году он отменил круговую поруку в сельской общине, подписал ряд законов, облегчающих переселение крестьян, а в 1904 году ввел для крестьян паспортный режим.

Но особое внимание во внутренней политике Николай II уделял так называемому «рабочему вопросу», на который марксисты — сионисты, именуемые себя социал-демократами, сделали ставку, провоцируя рабочих массивной революционной пропагандой. С целью их нейтрализации Николай II принял ряд мер, улучшающих положение рабочего класса (закон о сокращении рабочего дня, закон о страховании рабочих за счет предпринимателей, закон о введении на предприятиях рабочих старост).

Однако самой плодотворной мерой, направленной на преодоление революционной пропаганды, стала реализация в России программы «полицейского социализма», автором которой был начальник московского охранного отделения департамента полиции С. В. Зубатов. Человек незаурядных способностей, превосходно знающий теорию и практику революционного движения в России и за рубежом,

Зубатов являлся одним из самых талантливых специалистов в области методики полицейского сыска. Оценивая его деятельность, опыт и заслуги на поприще непримиримой борьбы с сионистами-марксистами, Ф. М. Лурье следующим образом характеризовал Зубатова: «Зубатов ввел много нового в технику политического сыска... Его можно назвать виртуозом политического сыска, мэтром, новатором... Зубатов первый поставил розыск в империи по образцу западноевропейскому, введя систематическую регистрацию, фотографирование, конспирирование внутренней агентуры и т.п. ... Зубатов превратил охранное отделение в «академию», оно считалось лучшим в империи «кузницей кадров». Его друг Е. П. Медников, гений филерского наблюдения, организовал школу филеров, извозчиный филерский двор, летучий филерский отряд, выезжавший во все концы необъятной империи. Ученики Медникова безошибочно находили в толпе революционеров интуитивно, по внешнему виду. От них почти невозможно было скрыться, и революционеры предпочитали объезжать Москву, лишь бы не попасть на глаза сотрудникам зубатовской «академии»²⁵.

Назначенный в 1901 году начальником охранного отделения департамента полиции Петербурга, Зубатов в качестве главной задачи своей программы «полицейского социализма» поставил: оторвать рабочих от разнузданной марксистской пропаганды путем улучшения их экономического положения и политического просвещения, подорвав наивное доверие к марксистам со стороны рабочего класса. Суть программы Зубатова сводилась к тому, чтобы параллельно с репрессивными методами против марксистов воспитывать у народа доверие к самодержавию

и убедить рабочих в возможности мирным путем, без оружия и насилия добиваться улучшения своего экономического положения.

После разгрома народничества, делавшего ставку на крестьян, марксисты меняют свою тактику, сделав ставку на рабочий класс. Учитывая этот факт, Зубатов отказывается от прежних методов борьбы с мессионирующим еврейством, считая их недостаточными, и предлагает «во всех крупных городах страны, особенно очень запущенных в революционном отношении организовать контрреволюционное движение»²⁶. «Рабочий класс, — писал Зубатов, — коллектив такой мощности, каким в качестве боевого средства революции не располагали ни во времена декабристов, ни в моменты массовых студенческих выступлений. Чисто количественная его величина усугубляется в своем значении тем обстоятельством, что в его рядах обретается вся техника страны. Будучи разъярен социалистической пропагандой и революционной агитацией в направлении уничтожения существующего государственного и общественного строя, коллектив этот неминуемо может оказаться серьёзной угрозой для существующего порядка вещей»²⁷.

Поэтому программа «полицейского социализма» Зубатова включила в себя в качестве главного элемента союз охранного отделения с рабочим классом. Вообще, сама идея этого союза возникла у Зубатова ещё в 1896 году, когда он разгромил социал-демократический союз в Москве и во время проведения следственных действий выяснил, что, если целью рабочих являлось добиваться возможности улучшения быта и труда, то целью мессионирующей интеллигенции была революция. В итоге, он пришел к заключению о необходимости

создания специальной программы, названной им программой «полицейского социализма». Залогом успешного осуществления политики «политического социализма» Зубатов верно считал сохранение самодержавия в России как силы надклассовой, учитывая его попечительский характер, а также веру русского народа в царя как выразителя его интересов. Получив поддержку своей программы первоначально со стороны великого князя Сергея Александровича и обер-полицмейстера Ф.Ф. Трепова, а затем и императора Николая II, Зубатов приступил к её реализации.

Начиная с 1901 года на всех крупных предприятиях России стали создаваться легальные рабочие общества, куда входили тысячи рабочих. На собраниях рабочих обществ с публичными лекциями и беседами выступали известные ученые: юристы, историки, экономисты, организуя своего рода политпросвет. Рабочие общества Зубатова создавали кассы взаимопомощи, которые постоянно пополнялись пожертвованиями как высокопоставленных особ, так и государством. Комплекс мер, разработанный Зубатовым, позволил в кратчайшие сроки развернуть сознание рабочих против революционной агитации и социалистической пропаганды марксистов-сионистов. И уже через год рабочие прямо на собраниях своих обществ говорили, что царское правительство «нам не враг». В итоге, почти на нет сошло количество рабочих выступлений в России, а в случае конфликта рабочих с предпринимателями полиция вмешивалась только в пользу требований рабочих²⁸. Особо показательным событием, характеризующим отношения народа к самодержавию, являлось организованная Зубатовым

патриотическая манифестация 19 февраля 1902 года к памятнику Александра II, в который участвовало более 500 тысяч рабочих. Манифестанты шли с иконами и пением гимна «Боже, царя храни». Мощный удар по революционному подполью нанесли созданные Зубатовым «летучие отряды», от которых невозможно было скрыться, что привело к значительному ослаблению разнузданной марксистско-сионистской пропаганды. Это был триумф программы «полицейского социализма» Зубатова, а для революционного подполья в России наступили самые тяжелые времена.

Однако на самой вершине успеха борьбы с революционным подпольем в августе 1903 года министр внутренних дел В.К. Плеве потребовал отставки Зубатова, а 17 ноября подписал приказ о его увольнении со службы. Причина столь неожиданной, на первый взгляд, отставки С. В. Зубатова совершенно очевидна – громадный успех его в борьбе с марксистами-сионистами, именовавшими себя социал-демократами. Немало испуганные результатами деятельности Зубатова, они не могли упустить возможности использовать политику «полицейского социализма» в собственных целях, прибегнув к веками отработанными ими методам подрывной деятельности, в данной ситуации:

- 1) использовать разногласия, возникшие между промышленниками и царской администрацией с начала осуществления программы полицейского социализма Зубатова и всевозможными способами компрометировать его идею;

- 2) мимикрируя, использовать все свои связи, внедряя в органы государственной власти, в том числе и православную церковь, своих агентов (перекрё-

стов).

Поэтому, как только стали создаваться зубатовские рабочие общества, во всех крупных городах России (прежде всего на юге и Прибалтике) сионистами были образованы псевдозубатовские организации, руководителями которых назначались, как правило, бундовцы. Более того, в 1901 году они создали новую еврейскую организацию – «Еврейская независимая рабочая партия», возглавляемую сионистом Шаевичем, спровоцировавшим рабочих на революционные выступления. Забастовки, демонстрации рабочих под влиянием агитации псевдозубатовских организаций, а также по призыву БУНДа и РСДРП прошли в Петербурге, Москве, Киеве, Баку, Тифлисе, Николаеве, Харькове, Вильно, Сормове, в ходе которых рабочие выдвигали политические лозунги: «Долой самодержавие», «Да здравствует республика» и другие политические требования. Таким образом, с конца 1903 года в России, хотя количество стачек и не увеличилось по сравнению 90-ми годами XIX века, но увеличилась доля политических стачек рабочих, в сознание которых марксисты активно внедряли идею гегемонии пролетариата. Более того, по верному заключению, сделанному коллективом историков МГУ, «Парадокс истории заключается в том, что в борьбу против зубатовщины выступили совместно с революционерами и предприниматели, не понимая её значение»²⁹. Недовольство капиталистов особенно усилилось после того, как зубатовское движение перебросилось в целый ряд отраслей промышленности, а полиция в ходе столкновения рабочих с промышленниками выступала на стороне рабочих.

В итоге, возник парадокс, поскольку организа-

ция, созданная в интересах порядка и стабильности, сама стала источником возникновения беспорядков. «Последнее, — верно отмечает Н. Ростов, — было ловко использовано предпринимателями. Они обратились в министерство финансов с жалобами на Зубатова, обвиняя его в организации на фабриках беспорядков и натравливании на них рабочих, что, дескать, ведет к росту революционных настроений. В результате, Зубатову пришлось оправдываться перед Петербургом»³⁰.

Жалобы капиталистов на Зубатова нашли поддержку со стороны министров Витте и Сипягина, а затем и Плеве, ставшего министром внутренних дел. Особенно противодействовал политике «полицейского социализма» министр финансов Витте, выступая против вмешательства правительства в отношения рабочих и предпринимателей. Все попытки Зубатова убедить Витте в необходимости такого рода действий правительства результатов не дали, равно как и обращение Зубатова к князю В. П. Мещерскому, имевшему большое влияние на членов правительства. Более того, беседа Зубатова с князем Мещерским только осложнила ситуацию, поскольку он передал содержание беседы с Зубатовым министру внутренних дел Плеве. В результате расправа с Зубатовым последовала незамедлительно и в исключительно грубой форме: 19 августа 1903 года Плеве пригласил Зубатова к себе и, не выслушав его объяснений, потребовал от него немедленной передачи дел и отъезда из столицы. 20 августа Зубатов выехал в Москву, но вскоре его выслали во Владимирскую губернию, где за ним был установлен полицейский надзор. 17 ноября 1903 года высочайшим приказом по гражданскому ведомству Зубатов был уволен со службы «согласно проше-

ния», которое ему продиктовал сам Плеве³¹.

После увольнения Зубатова, сионисты России повели наступление на самодержавие с одержимостью победителей, тем более, что в кабинете министров уже работали их тайные агенты в лице Витте, Плеве, Святополка-Мирского и др. По согласованному плану они стали готовить проект реформ в России, предусматривающий создание Государственной Думы и общероссийской земской организации, а также жестко высказывались за привлечение «сведущих людей» (то есть сионистов) к разработке реформ системно, выступали за развитие местного самоуправления и децентрализацию власти. Плеве, например, прямо заявлял, что «не считает возможным создавать законы для всей России из Санкт-Петербурга», а в письме к генералу Кирееву в 1903 году писал, что «самые способы управления в России обветшали и нуждаются в значительном улучшении». Кроме того, в беседе с главой московского земства Д. Шиповым Плеве заявил, что «государственный строй России лет через 30, 40, 50 должен будет уступить место другому»³². Но, если это так, то отсюда следует, что Милюков критиковал правительство с одной целью, а именно: скрыть подрывную работу агентов-сионистов, проникших во все высшие эшелоны государственной власти в Российской империи.

Не обошли они своим внимание и православную церковь. Сразу после отставки Зубатова его функцию по контролю за рабочим классом в России стал выполнять священник петербургской пересыльной тюрьмы Г. А. Гапон, внедренный сионистами в созданные Зубатовым рабочие общества. Гапон создает новую рабочую организацию – «Собрание русских

фабрично-заводских рабочих» в Петербурге. Удалив из рабочих обществ, созданных Зубатовым, всех его сторонников, Гапон написал новый устав для этих обществ, который Плеве незамедлительно подписал и начал всячески покровительствовать Гапону. Наряду с Плеве Гапону стали покровительствовать петербургский градоначальник И. А. Фуллон и сам митрополит Петербурга Антоний.

Как заявлял сам Гапон, его задача состояла в том, чтобы незаметно для властей покрыть всю Россию сетью своих организаций и сплотить в них до 100 тысяч рабочих, а затем поднять восстание против угнетателей и свергнуть самодержавие. Во главе созданной им армии русских рабочих Гапон видел самого себя. По данным русской разведки, план Гапона был разработан находящимися в эмиграции евреями-сионистами совместно с английскими и японскими спецслужбами, которые направляли Гапону большие суммы денег для подготовки революции в России. Общее руководство деятельностью Гапона осуществлялось из-за рубежа группой марксистов во главе с Г. В. Плехановым.

В короткий срок гапоновские отделения «Собрания русских фабрично-заводских рабочих» покрыли все районы Петербурга, и Гапон приступил к разработке текста «Петиции» с целью подачи её царю. Гапоновская идея подачи «Петиции» царю являлась важнейшей частью провокационного плана, призванного послужить сигналом для начала революции в России. К концу 1904 года Гапон с группой кадетов (С.Н. Прокопович, Е. Д. Кускова, В.Я. Яковлев) закончили разработку текста «Петиции», которая затем переписывалась несколько раз (согласовывалась с Синодарионом), поэтому конеч-

ный её вариант, которого рабочие не знали, включал не просто экономические требования, а носил явно провокационный политический характер, поскольку многие из этих требований к царю были поставлены в ультимативной форме: немедленный созыв Учредительного собрания, немедленное освобождение всех политических заключенных, отделение церкви от государства и др³³. Но, главное, что выдает национальное происхождение авторов «Петиции», — это её ветхозаветная стилистика.

Приведем несколько выдержек из данного прошения к царю: «... Необходимо народное представительство, необходимо, чтобы сам народ помог себе и управлял собою... повели немедленно, сейчас же призвать представителей земли русской от всех классов и от рабочих... чтобы выборы в учредительное собрание происходили при условии всеобщей тайной и равной подачи голосов. Это самая главная наша просьба, в ней и на ней зиждется всё; это главный и единственный пластырь для наших больных ран, без которого эти раны сильно будут сочиться и быстро двигать нас к смерти... Немедленное освобождение и возвращение всех пострадавших за политические и религиозные убеждения, за стачки и крестьянские выступления... Повели и поклянись исполнить их, и ты сделаешь Россию и счастливой, и славной, а имя твое запечатлеешь и в сердцах наших, и наших потомков. А не повелишь, не отзовешься на нашу просьбу, — мы умрём здесь на этой площади, перед твоим дворцом. Нам некуда больше идти и незачем. У нас только два пути: или к свободе и к счастью, или в могилу... пусть наша жизнь будет жертвой для пострадавшей России. Нам не жаль этой жертвы,

мы охотно приносим её»³⁴.

Как видим, заключительная часть «Петиции» прямо свидетельствует и о её авторах, и о их целях: мессионирующее еврейство, понимая, каковыми будут возможные последствия подачи царю этого провокационного прошения, хладнокровно отдавало русский народ на закляние («нам не жаль этой жертвы»). Сам же Гапон, зная, что царя в Петербурге нет, следовательно, и подавать «Петицию» некому, разработал для себя два сценария возможного развития событий.

Первый сценарий: если Николай II пойдет на уступки до подачи «Петиции», тогда он, Гапон, станет его советником.

Второй сценарий: если Николай II откажется принять делегацию от Гапона, тогда он поднимет народное восстание и превратится в «мужицкого царя».

За три дня до подачи «Петиции» РСДРП и БУНД направили на предприятия столицы свыше 800 своих агитаторов, которые призвали рабочих не просто просить царя и даже не требовать, а «сбросить его с престола и выгнать вместе с ним всю самодержавную шайку». По всему Петербургу их агитаторы разбросали тысячи листовок с призывом: «Долой самодержавие! Да здравствует социализм!»

В то же время сам Гапон призвал рабочих Петербурга ко всеобщей забастовке. Переезжая из одной части столицы в другую, Гапон, как одержимый, выступал десятки раз в день, а каждое слово священника воспринималось рабочими как откровение Божие. Под влиянием провокационных речей Гапона и массовой пропаганды так называемых социал-демократов (сионистов) 9 января

рабочие вышли на улицы Петербурга, не зная ни содержания, ни смысла подготовленной «Петиции», поскольку они без конца менялись и кардинально изменились к моменту начала шествия, что также указывает на её провокационный характер.

Пытаясь предотвратить трагедию, Николай II, как известно, ввел в столице военное положение, а во всех правительственных газетах был напечатан призыв к рабочим не принимать участие в гапоносном шествии. Но Гапон вывел 120 тысяч человек на улицы столицы и даже после предупредительных выстрелов, когда колонна притормозилась, он призвал народ двигаться дальше. Однако, как только упали первые жертвы сионистской провокации, Гапон упал на землю и пополз к воротам ближайшего дома, где его уже ждали «товарищи». Они, переодев его в студенческую форму, стали тайно переводить Гапона с одной конспиративной квартиры на другую, последней из которых стала квартира М. Горького³⁵. Здесь он просидел несколько дней в ожидании указаний от Ленина и Плеханова из Швейцарии, а в ночь с 9 на 10 января Гапон написал «Воззвание», в котором призвал народ на баррикады, а солдат освобождал от присяги царю. Получив деньги и явки от своих «товарищей», Гапон бежал в Швейцарию, где ему вручили следующее задание для российских сионистов.

Сразу после 9 января 1905 года «Русское бюро» II Интернационала развернуло беспрецедентную компанию в поддержку революции в России. Во всех крупных городах Европы, США и даже в Латинской Америке социал-демократы организовали демонстрации протестов перед зданиями русских посольств. Более того, в Англии был создан специальный «Русский фонд», в который стали поступать

средства для поддержки революции в России.

Мы уже отмечали факты сокрытия Милюковым важнейших событий, приведших к революции 1905 – 1907 гг. в России, которая, по определению Ленина, являлась только «генеральной репетицией» революции 1917 года. Участие Милюкова в подготовке этих трагических событий до сих пор остается плохо изученным. А между тем, именно он сыграл немало важную роль в их подготовке и осуществлении.

Начнём с того, что именно Милюков дополнил программу «Союза освобождения» рабочим и аграрным вопросами. Включение в программу «Союза освобождения» данных вопросов преследовало цель, по выражению самого Милюкова, «привлечь массы к борьбе с самодержавием», что чрезвычайно важно для понимания как его политической позиции, так и для позиции самого «Союза освобождения» в целом.

«Союз освобождения» был основан сотрудниками еврейского эмигрантского журнала «Освобождения» в 1903 году в Швейцарии. В том же году он провел свой первый съезд там же, в Швейцарии. По сути, «Союз освобождения» являлся даже не партией, а движением, в котором должна была объединиться вся антироссийски настроенная интеллигенция «с широким спектром взглядов». В качестве главной задачи этот союз поставил задачу «создание нового строя» и, как заявлял Милюков, «по последним рецептам теории», не уточняя при этом по соображениям конспирации, какой именно теории.

С 1903 по осень 1905 года «Союз освобождения» провел, но уже в России, ещё четыре нелегальных съезда, делегатами которых являлись представители интеллигенции, среди которой был особенно популя-

рен журнал «Освобождение» и прилагаемый к нему «Листок». Но, как верно отмечал И. Кириллов, российская интеллигенция была более космополитичной, чем все другие слои русского общества, поскольку «по своему национальному происхождению и этнической принадлежности в её составе преобладали немцы, евреи и поляки... Ей были чужды думы и мысли русского народа, а всё русское, национальное было предано забвению... русский интеллигент настолько сжился с чуждым его духу мирозерцанием, что даже признавал Западную Европу источником этого мирозерцанием и второй родиной»³⁶.

То же можно сказать и об интеллигентах – участников совещания в Париже, состоявшегося осенью 1904 года, куда прибыли делегаты от всех тогда существующих в России оппозиционных организаций и партий (Союз освобождения, эсеры, польские и латышские социалисты, финские националисты, армянские и грузинские социал-федералисты). На Парижском совещании была принята резолюция, включающая уже требования «уничтожения самодержавия» и замены его «свободным демократическим строем». Спонсировали Парижское совещание российские предприниматели еврейского происхождения и еврейские миллионеры из США, а также бывший японский военный атташе в Петербурге.

Одновременно в России резко активизировалось земское движение, в котором наиболее радикальные элементы, так называемый «третий элемент» (сионисты), требовали свержения самодержавия. В ноябре 1904 года состоялся съезд земских деятелей, на котором было принято состоящее из 10 тезисов решение. Десятый тезис этого решения требовал перехода к конституционному строю путем передачи законо-

дательной власти «народному представительству».

После земского съезда в губерниях и уездах прошли земские собрания, где также были приняты резолюции, поддерживающие решение земского съезда. Более того, по всей стране по инициативе прежде всего «третьего элемента» земств стали проводиться так называемые «банкеты» (банкетная кампания), на которых принимались резолюции с требованием конституции. Как правило, банкеты сопровождалась митингами, демонстрациями с антиправительственными лозунгами. «Такой характер носили и собрания многих легальных обществ: экономического, юридического, географического, исторического и др. Даже совещание 23 губернских предводителей дворянства обратились к Святополку-Мирскому с заявлением о желательности созыва «народных представителей» и с требованием отмены «государственного произвола»³⁷, — согласно верному заключению коллектива историков МГУ.

Таким образом, все происходившие в России и за рубежом события накануне революции 1905 — 1907 гг. действительно подтверждают вывод Милюкова о том, что не только множество частных лиц, но и много всяких общественных собраний, земских, городских и иных принимали решения, печатали их и отправляли в совет министров, указывая, что нужно сделать.

Какова была реакция правительства и Николая II на эти «решения» — хорошо известно.

После отставки Плеве с поста министра внутренних дел и убийства его эсером Е.С. Созоновым, назначенный на этот пост Святополк-Мирский постоянно докладывал императору, что нужно при-

влекь на свою сторону «общество» либеральными уступками и реформами. Но против позиции Мирского протестовали великий князь Сергей Александрович, генерал-губернатор Петербурга Д. Трепов, князь А. Ширинский-Шахматов и другие высокопоставленные государственные чиновники. Проведя совещание с министрами и великими князьями, Николай II объявил, что он поддержит реформу, но в тоже время прикажет повести борьбу с незаконными действиями оппозиции.

12 декабря 1904 года царь подписал указ, в котором обещал провести реформы, а правительству предлагалось «озаботиться изысканием мер для водворения законности», расширения свободы слова, устранения излишних стеснений инородцев и завершения работы по крестьянскому вопросу. По всем предложениям царя были заготовлены законопроекты, внесенные позднее в Государственную Думу, и принят указ о веротерпимости. Но одновременно с указом Николая II от 12 декабря 1904 года было сделано правительственное сообщение, в котором идея о создании народного представительства объявлялась «чуждой русскому народу», а также содержалось предупреждение о репрессиях за «незаконные собрания». Таким образом, Николай II, на наш взгляд, пошел на чрезвычайно опасные уступки мессионирующей интеллигенции России, хотя и объявлял их идею о создании народного представительства «чуждой русскому народу».

В этой связи возникает сразу несколько естественных вопросов:

1) разве интеллигенция, проводившая все названные конференции, съезды, совещания и собрания, составляла «всё российское общество», как ут-

верждал Милюков?

2) Разве крестьянство, составляющее подавляющее большинство населения Российской империи (около 80%), не являлась составной частью русского общества и требовало смены политического режима?

3) Разве рабочий класс России, представляющий собой «коллектив такой мощности», по выражению Зубатова, требовал народного представительства?

Ответы на все поставленные вопросы, очевидно, будут отрицательными, поскольку интеллигенция России в начале XX века составляла немногим более 2% населения страны. Следовательно, вопреки социологическим выводам Милюкова мессионирующая интеллигенция не выражала интересы русского общества и «требования жизни», учитывая, тем более, её этнический состав. Напротив, крестьянство, о чём умалчивает Милюков, составляющее подавляющее большинство населения Российской империи, являлось истинным выразителем интересов русского общества, но оно не требовало никаких изменений в государственном строе России.

Рассматриваемый нами период русской истории (1901-1904) действительно ознаменовался ростом крестьянских выступлений: с 1895 по 1899 год произошло 385 крестьянских выступлений, а с 1900 по 1904 год – 1899, то есть их количество увеличилось в три раза. Однако все крестьянские выступления были направлены против помещиков, а не против царского политического режима (самодержавия), поскольку, получив по реформе 1861 года землю и волю (свободу) от царя, крестьяне связывали все свои чаяния именно с царем (батюшкой). Поэтому, несмотря на усиление агитации и пропаганды соци-

ал-демократов и эсеров среди крестьян, несмотря на их призывы к захвату помещичьих земель, созданию крестьянских кружков и крестьянских союзов в деревнях, число крестьянских вступлений, начиная с 1904 года, резко сократилось.

Отсюда следует, что подавляющая часть русского общества продолжала твердо верить в справедливость и законность «исконных начал» в государственном строе России и ни о каком народном представительстве вовсе не помышляло, что подтверждает в своём исследовании сельской общины А. С. Хомяков: «Сельская община, — писал он, — крепко срослась с русской жизнью, с её обычаями и традициями и являлась выражением русской правды»³⁸. А этот факт является важнейшим показателем умонастроения русского крестьянства, причём на протяжении всех веков существования Российской империи, а не только накануне революции³⁹.

Наконец, последним убедительным свидетельством ложного толкования Милюковым позиции «российского общества» и его требований является полное игнорирование им политического настроения рабочего класса. Обманутые и принесенные в ритуальную жертву Гапоном рабочие после кровавых событий 9 января 1905 года стали быстро возвращаться в нормальное состояние, осознав масштаб политической провокации мессионирующего еврейства в России. В решающей мере отрезвлению сознания рабочих послужила встреча их депутации с Николаем II 19 января 1905 года. Выступая на встрече с рабочими, Николай II сказал: «Я вызвал вас для того, чтобы вы могли лично от меня услышать слово моё и непосредственно передать его вашим товарищам. Прискорбные события с печальными, но

неизбежными последствиями смуты произошли от того, что вы дали себя вовлечь в заблуждение и обман изменникам и врагам нашей родины. Приглашая вас идти подать мне прошение о нуждах ваших, они поднимали вас на бунт против меня и моего правительства, насильственно отрывая вас от честного труда в такое время, когда все истинно русские люди должны дружно и не покладая рук работать на одоление нашего упорного внешнего врага. Стачки и мятежные сборища только возбуждают безработную толпу к таким беспорядкам, которые всегда заставляют и будут заставлять власть прибегать к военной силе, а это неизбежно вызывает неповинные жертвы. Знаю, что нелегка жизнь рабочего. Многого надо улучшить и упорядочить, но имейте терпение. Вы сами по совести понимаете, что следует быть справедливым и к вашим хозяевам, и считаться с условиями нашей промышленности. Но мятежной толпой заявлять мне о своих нуждах преступно. В попечениях моих о рабочих людях я забочусь, чтобы все возможное к улучшению быта их было сделано и чтобы обеспечить им впредь законные пути для выяснения назревших их нужд. Я верю в честные чувства рабочих людей и в непоколебимую преданность их мне, а потому прощаю им вину их. Теперь возвращайтесь к мирному труду вашему, благословясь, принимайтесь за дело вместе с вашими товарищами, и да будет вам Бог в помощь»⁴⁰.

Как отмечает Д. Сверчков, «После речи, обращенной к рабочим, вся депутация низко поклонилась императору, находясь под сильнейшим впечатлением от его слов, а император обходил представителей рабочих, расспрашивая их о насущных нуждах русского народа, но никто из членов депутации в этой

откровенной беседе с царем ни о каком народном представительстве не просил. Довольные, счастливые, с веселыми лицами возвращались рабочие в Петербург, унося неизгладимые навеки впечатления о царском приеме и твердо запечатлев царёвы слова⁴¹. Таким образом, встреча царя с рабочей делегацией дала положительный эффект.

Наступил период отрезвления рабочих от угара марксистской пропаганды, и количество рабочих стачек с зимы 1905 года фактически сошло на нет. Однако вся совокупность действий царской власти, направленных на дезавуацию революционной пропаганды, чрезвычайно обеспокоила марксистов-сионистов. Оказавшись в сложной политической ситуации, они развернули беспрецедентную революционную пропаганду в России с тем, чтобы, по выражению Ленина, «не дать возможности угаснуть революционному запалу рабочих». К тому же, Синедрин требовал строжайше выполнять тайную программу «Протоколов собраний сионских мудрецов», где в протоколе №13 прямо сказано: «Решение политических вопросов не дано никому, кроме тех, которые установили нашу политику и ведутся в течение многих столетий»⁴².

Милюков поэтому совершенно неслучайно умалчивает о том факте, что после 9 января главной целью марксистов-сионистов в России становится ускорение социальной мобилизации масс на решающее сражение в борьбе за победу революции и свержение самодержавия. С весны 1905 года ежедневно только в Петербурге 5 подпольных типографий РСДРП издавали и распространяли до 10 тысяч экземпляров листовок, призывающих к свержению самодержавию и революции. В результате, к мар-

ту 1905 года число марксистских кружков в России выросло с 8 до 104, что привело к новому подъему стачечного движения в стране. В мае 1905 года, как известно, началась крупная стачка рабочих – текстильщиков в Иваново-Вознесенске. Выступления рабочих в Иваново-Вознесенске ознаменовало начало «генеральной репетиции» революции 1917 года. Под давлением революционных событий 6 августа 1905 года Николай II подписал, как уже отмечалось, два указа: «Учреждение о Государственной Думе» и «Положение о выборах в Думу». Согласно первому указу в России учреждалась законосовещательная Государственная Дума, так как принятые ею законы должны были проходить утверждение императором и Государственным Советом.

Казалось бы, Милюков, наконец-то, должен был удовлетвориться развитием законодательства в государственной форме управления в России, поскольку была создана Государственная Дума и Николай II удовлетворил таким образом вековые устремления мессионирующего еврейства. Однако этот факт Милюкова вовсе не удовлетворяет, поскольку, пишет он, «нельзя угадать, кто в конце концов попадет в Думу и будет ли тот, кто попадет правильно выражать желание населения... настоящие ли они представители народа и могут ли они обсуждением всяких законов от имени народа. Правильнее будет им заниматься прежде всего улучшением устройства самой Думы... для Думы же нужно, чтобы она была совсем независима от чиновников Государственного Совета»⁴³. Отсюда следует, что для Милюкова важнее всего «правильный состав Думы», которая может принимать «правильные законы», а правильные законы изложены, с точки зрения сионистов, толь-

ко в «Протоколах собраний сионских мудрецов». Как отмечает С. А. Нилус, «конечной целью», поставленной в протоколах, является разрушение всего уклада государственного управления современного человечества, чтобы взамен его создать новую, мировую силу в форме неограниченной правящей власти... Россия испытала на себе все приёмы моральной и телесной селекции, предусмотренной тайной программой «Сионских Протоколов», а мы, русские, должны постоянно помнить, что именно еврейством эта программа была испытана и применена на теле живой России и послужила ему сперва орудием разложения, а потом и орудием порабощения»⁴⁴.

Бесспорно, немаловажную роль в реализации этой преступной программы в России сыграл П.Н. Милюков. Так, в ноябре 1916 года Милюков, став лидером кадетской партии, произнес печально знаменитую, а, по сути, предательскую речь с трибуны IV Государственной Думы, в которой он клеветнически обвинил императрицу Александру Фёдоровну и премьер-министра России Бориса Штрюмера в подготовке сепаратного мира с Германией. После произнесенной речи за Милюковым в России закрепилось устойчивое мнение как о клеветнике, провокаторе и лжеце. Более того, став министром иностранных дел в первом составе Временного правительства (март – май 1917 год), Милюков в числе первоочередных дел дал распоряжение всем русским посольствам оказать всемерную помощь еврейским эмигрантам-революционерам, стремящимся вернуться в Россию после государственного переворота в феврале 1917 года.

Однако полностью раскрывается подлинная сущность Милюкова в его письме к неизвестному, написанному весной 1917 года, когда русская армия

готовила контрнаступление, а марксисты-сионисты в союзе с теми депутатами Государственной Думы, которые попали в финансовые сети Синедриона, готовили государственный переворот и отречение Николая II. «Вы знаете, – пишет Милюков, – что твердые решения воспользоваться войной для производства переворота приняты нами вскоре после начала этой войны. Замете также, что ждать больше мы не могли, ибо знали, что в конце апреля или в начале мая наша армия должна была прейти в наступление, в результате коего сразу в корне прекратили бы всякие намёки на недовольство и вызвали бы в стране взрыв патриотизма и ликования»⁴⁵.

По данным русской разведки, Милюков лично вступил в переговоры с германским командованием, рассматривая Германию в качестве потенциального союзника в борьбе с самодержавием и осуществлении революции в России.

Однако несмотря на чудовищные по своей лживости методы и громадность масштабов революционной пропаганды и агитации, большевикам-сионистам так и не удалось поднять русский народ на революцию. Поэтому Синедрион избрал новую тактику – организация государственного переворота в России. Используя самые коварные приемы лжи, большевики-сионисты, вступив в преступныйговор с лидерами других политических партий, а также с частью высшего командования русской армии, принудили императора Николая II отречься от престола, вследствие чего Россия вступила в эпоху кровавой вакханалии, именуемой большевиками периодом гражданской войны. Но Милюков как человек, выполнивший свою роль врага России, в родном отечестве оказался уже не нужным и принужден был

покинуть её пределы.

Таким образом, вся политическая деятельность Милюкова и до, и после октябрьского государственного переворота в октябре 1917 года не вызывает сомнений – он действовал в строгом соответствии с указаниями Синедриона: от большевиков – к Керенскому, от Керенского – к Корнилову, от Корнилова – в «белую» армию, перебегая из одного противоборствующего лагеря в другой, хотя ему было известно, что большевики обратились к руководству Англии, Франции и США с просьбой об организации интервенции в Россию для оказания им помощи в борьбе с белогвардейцами. По заключения известного русского историка-эмигранта С. Мельгунова, это была «интервенция по приглашению»⁴⁶.

После государственного переворота и захвата власти в России большевиками-сионистами в октябре 1917 года Милюков эмигрировал в Турцию, а затем в Западную Европу. Оказавшись в Париже, он разработал так называемую «новую тактику», предусматривающую союз с социалистами. Однако его новая тактика была равно отвергнута как однопартийцами кадетами, так и социалистами, а сам он вынужден был выйти из кадетской партии. Таким образом, его кровожадной мечте о том, что в случае назначения кадета министром внутренних дел, он будет требовать «ставить гильотины на площадях и беспощадно расправляться со всеми, кто ведет борьбу против опирающегося на народное доверие правительство», не суждено было сбыться.

Однако борьба Милюков с «исконными началами» в государственном строе России для него завершилась успешно: «исконные начала» были безжалостно вырваны с конем большевиками. По-

этому победу в ходе гражданской войны в России одержали именно те «требования жизни», которые Милюков и всё мессионирующее еврейство так упорно внедряли в сознание русского народа⁴⁷. Закрепили эти «требования жизни» в России большевики, как известно, красным террором.

Очищение России от сионизма началось только с приходом к руководству страной И. В. Сталина, хорошо знакомого с «Протоколами собрания сионских мудрецов» и начавшего бескомпромиссную борьбу со всеми вдохновителями и проводниками сионистской идеологии в СССР (См: Приложение). Однако Милюкову – вольному или невольному пропагандисту сионизма в России, – удалось и на этот раз выйти «сухим из воды», используя всё ту же тактику перебежчика из одного оппозиционного лагеря в другой.

Но от суда истории Милюкову уйти не удалось. История и только история выносит свой высший приговор не только конкретному лицу, но и целому народу, если он вступил на преступный путь осуществления человеконенавистнической идеологии. И этот приговор уже вынесен не только одному Милюкову, но и целому государству известным израильским историком И. Рабиновичем: «Ты, – пишет он, обращаясь к Израилю, – давно уже разбит, в твоём теле нет ничего целого, мозг твой парализован, все органы чувств атрофированы... тебя ещё нельзя внести в список вымерших народов. Да, ты ещё жив, имя Израиль ещё витает над тобой. Качаешься ты туда-сюда среди жителей пустыни, стоишь между жизнью и смертью; не можешь жить и не можешь умереть»⁴⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

Предисловие

1. Мандельштам О. Деятнадцатый век // Собр. Соч. Т. II М., 1993. С. 266.
2. Милюков П. Н. Сборник материалов по чествованию его семидесятилетия. 1859 – 1928. Париж, 1929. С. 39 – 40.
3. Вандакковская М. Г. История исторической науки в творчестве П. Н. Милюкова // Очерки истории исторической науки. М., 2002. С. 5.
4. Шелохаев В. В. Предисловие // Реформа в России с древнейших времен до конца XX века. М., 2016. Т. 1. С. 10.
5. Чичерин Б.Н. Положительная философия и единство науки. М., 1892. С. 305
6. Новгородцев П. И. О задачах современной философии // Изв. Моск. ун-та. Сер. 7, Философия. 1992. № 3. С. 74.

Глава I П.Н. Милюков об «исконных началах» в русском государственном строе древнего и средневекового периодов истории Руси.

1. Овсянко – Куликовский Д. Н. Психология русской интеллигенции // Интеллигенция в России. СПб., 1910. С. 385 – 386.

2. Милюков П. Н. В. О. Ключевский // Очерки истории исторической науки. М., 2002. С. 450 – 451.
3. Там же.
4. Там же.
5. Там же.
6. Там же. С. 452.
7. Там же. С. 453.
8. Там же.
9. Там же. С. 456.
10. Там же. С. 456 – 457.
11. Там же. С. 460.
12. Там же. С. 464.
13. Милюков П. Н. «Исконные начала» и «требования жизни» в русском государственном строе. Ростов н/Д., 1905.
14. Криницкая Г. С. Еще раз о новом синтезе в исторические науки // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2011. № 3. С.123-128.
15. Чичерин Б. Н. Положительная философия и единство науки. М., 1892. С. 305.
16. Конт О. Курс положительной философии: в 3 т. СПб., 1899. Т. 1. С. ?
17. Милюков П. Н. «Исконные начала» и «требования жизни» в русском государственном строе. Ростов н/Д., 1905. С. 2.
18. Там же.
19. Кареев Н. И. Общие основы социологии. Пг., 1919. С. 9.
20. Там же
21. Милюков П. Н. «Исконные начала» и «требования жизни» в русском государственном строе. Ростов н/Д., 1905. С. 3.
22. Там же.
23. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991.
24. Милюков П. Н. «Исконные начала» и «требования жизни» в русском государственном строе. Ростов н/Д., 1905. С. 4.
25. Там же. С. 6.
26. Там же С. 6-7.

27. Чичерин Б. Н. Курс государственной науки. М., 1894. Т. 1. С. 16.
28. Милюков П. Н. «Исконные начала» и «требования жизни» в русском государственном строе. Ростов н/Д., 1905. С. 5.
29. Там же. С. 5.
30. Там же. С. 7.
31. Первое послание Ивана Грозного Курбскому // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979.
32. Цветаев Л. Законы великого князя Иоанна Васильевича и внука его царя Иоанна Васильевича. М., 1819. С. XVII.
33. Милюков П. Н. «Исконные начала» и «требования жизни» в русском государственном строе. Ростов н/Д., 1905. С. 8.
34. Там же. С. 9.
35. Там же. С. 10.
36. Там же.
37. Там же. С. 11.
38. Чичерин Б. Н. Собственность и государство. М., 1882. Ч. 1. С. 29.
39. Чичерин Б. Н. История политических учений. М., 1874. Ч. 3. С. 123.
40. РГАЛИ. Ф. 1345. Оп. 1. Д. 510. С. 67.
41. Чичерин Б. Н. Политические мыслители древнего и нового мира. М., 1897. Вып. 2. С. 159.
42. Милюков П. Н. Юридическая школа в русской историографии «Соловьев, Каверин, Чичерин и Сергеевич» // Русская мысль. 1886. Кн. 6. С. 80-92.
43. Там же.
44. Милюков П. Н. «Исконные начала» и «требования жизни» в русском государственном строе. Ростов н/Д., 1905. С. 10.
45. Милюков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформы Петра Великого. СПб., 1892.
46. Примечание: в 1881 году Милюков был исключен из Московского университета за участие в сходке

студентов-марксистов; в 1895 году он отстранен от преподавания в Московском университете; в 1898 году по требованию Русского посла в Болгарии Г. П. Бахметьева Милюков отстранён от преподавания русской истории в военном училище г. Софии., публиковал свои статьи с конца XIX века в эмигрантском журнале «Освобождение» антироссийского содержания; в 1903, 1904, 1905 годах посещал США, где читал лекции в университетах Чикаго и Бостона; в 1904 году Милюков принял участие в Парижской конференции всех революционных крайне радикальных партий России; 1905 году был избран председателем «Союза Союзов», стоящего на платформе жесткой оппозиции к русскому самодержавию, и в том же году становится основателем конституционно демократической партии (партия народной свободы).

47. Криницкая Г. С. Национальная идея России: история и прогнозы. Томск, 2016. С. 55-56.

48. Милюков П. Н. Разложение славянофильства // Очерки истории исторической науки. М., 2002 С. 413.

49. Милюков П. Н. «Исконные начала» и «требования жизни» в русском государственном строе. Ростов н/Д., 1905. С. 1.

50. Там же. С. 12.

51. Ключевский В. О. Русская история. М., 1993. Т. 3. С. 358-359.

52. Там же.

53. Шугуров М. В. История евреев в России // Русский архив. 1894. Кн. 2. С. 469-470.

54. Милюков П. Н. «Исконные начала» и «требования жизни» в русском государственном строе. Ростов н/Д., 1905. С. 12.

55. Чичерин Б. Н. Курс государственной науки. М., 1898. Ч. 3. С. 17.

56. Там же. С. 19.

**Глава II Исконные начала русской жизни
в новой и новейшее время в исторической
концепции П.Н. Милюкова**

1. Дмитриев Ф. М. Сперанский и его государственная деятельность // Русский архив. 1868. № 10.
2. Корф. М. А. Жизнь графа Сперанского. СПб., 1862.
3. Дмитриев Ф. М. Сперанский и его государственная деятельность // Русский архив. 1868. № 10. С. 1642.
4. Цит. по: Криницкая Г. С. Русская идея. Томск, 2013. С. 91.
5. Дмитриев Ф. М. Сперанский и его государственная деятельность // Русский архив. 1868. № 10. С. 1532 – 1533.
6. Там же. С. 1538.
7. Там же. С. 1648.
8. Дмитриев Ф. М. Сперанский и его государственная деятельность // Русский архив. 1868. № 10. С. 1538.
9. Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. СПб., С. 206.
10. Дмитриев Ф. М. Сперанский и его государственная деятельность // Русский архив. 1868. № 10. С. 1655.
11. Милюков П. Н. «Исконные начала» и «требования жизни» в русском государственном строе. Ростов н/Д., 1905. С. 15.
12. Там же. С. 13.
13. Там же. С. 13 -15.
14. Чичерин Б. Н. Курс государственной науки. М., 1896. Ч. 2. С. 361.
15. Милюков П. Н. «Исконные начала» и «требования жизни» в русском государственном строе. Ростов н/Д., 1905. С. 15.
16. Там же. С. 16.
17. Там же. С. 17.
18. Там же.
19. Там же. С. 18.
20. Чичерин Б. Н. Воспоминание, мемуары. Минск; М., 2001. С. 331 -332.

21. Милюков П. Н. «Исконные начала» и «требования жизни» в русском государственном строе. Ростов н/Д., 1905. С. 19 - 20.

22. Там же. С. 20.

23. Примечание: в русской масонской «Ложе трех добродетелей» товарищами назывались её члены второго уровня посвящения. С созданием декабристами этой ложи в русском масонстве был учрежден строгий порядок проведения тайных собраний масонов: сначала открывалась заседание первого уровня посвящения (ученики), затем второго уровня (товарищи) и, наконец, третьего (мастера). Принятие братьев-масонов и в ученики, и в товарищей, и в мастера проходило по строгому обряду: во время прохождения ритуала инсталляции (посвящения) они давали клятву, в которой предписывалась: 1) строжайше повиноваться законной власти ордена в нашем отечестве и самое строгое наблюдение его устава; 2) единение и согласие с соединенными ложами, стремящихся равно с нами к истинной цели; 3) исправление братьев наших примером (как правило, убийством – Г.К.) и утверждение в истинных правилах вольного каменничества. См: Соколовская Т. Ложа трех добродетелей и её члены-декабристы // Русский архив. 1908. № 10.

24. Нилус С. А. Протоколы собрания сионских мудрецов // Великое в малом и антихрист как близкая политическая возможность. СПб., 1905.

25. Лурье Ф. М. Полицейские и провокаторы. Политический сыск в России. СПб., 1992. С. 234-236.

26. Цит. по: Ярмыш А. Н. Карательный аппарат самодержавия на Украине (1895-1917 г.г.). Харьков, 1991. С. 199.

27. Цит. по: Кузьмин Б. П. Зубатов и его корреспонденты. М.; Л., 1928. С. 4-5.

28. Ростов Н. Крушение одного опыта. М., 1927. С. 13.

29. Новейшая история России. М., 1999. Т. 1. С. 77.

30. Ростов Н. Крушение одного опыта. М., 1927. С. 14.

31. Примечание: Зубатов до конца жизни оставался убежденным сторонником сохранения монархии и, узнав об отречении Николая II, застрелился.

32. Цит. по: Новейшая история отечества: XX век: в 2 т. М., 1999. Т. 1. С. 73-74.
33. Бухбандер Н. А. Зубатовщина и рабочее движение в России. М., 1926. С. 55-60.
34. Цит. по: Бухбандер Н. А. Зубатовщина и рабочее движение в России. М., 1926. С. 55-60.
35. Примечание: неслучайно сегодня сионисты в России готовятся масштабно отметить предстоящий юбилей М. Горького.
36. Кирилов И. Третий Рим. М., 1914. С. 44-45.
37. Новейшая история отечества: XX век: в 2 т. М., 1999. Т. 1. С. 84.
38. Хомяков А. С. О сельской общине // О старом и новом. Статьи и очерки. М., 1988. С. 161.
39. Примечание: и сегодня, с разорение колхозов и совхозов, сельские жители мечтают вернуться к советской власти, к советскому способу организации сельского хозяйства, прообразом которого являлась сельская община.
40. Цит. по: Сверчков Д. Гапоновщина и 9 января 1905 года. Л.; М., 1925. С. 47-49.
41. Там же. С. 49.
42. Нилус С. А. Протоколы собрания сионских мудрецов // Великое в малом и антихрист как близкая политическая возможность. СПб., 1905.
43. Милюков П. Н. «Исконные начала» и «требования жизни» в русском государственном строе. Ростов н/Д., 1905. С. 21-22.
44. Нилус С. А. Протоколы собрания сионских мудрецов // Великое в малом и антихрист как близкая политическая возможность. СПб., 1905. С. 1,3.
45. Письмо Милюкова неизвестному // Русский еженедельник «Зарницы». София. 1921. № 23.
46. Мельгунов С. П. Красный террор в России. Берлин, 1924.
47. Милюков П. Н. «Исконные начала» и «требования жизни» в русском государственном строе. Ростов н/Д., 1905. С. 22-23.
48. Рабинович И. Новозаветный Израиль. М., 1989. Т. 2. С. 175.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Катехизис еврея в СССР. Тель-Авив, 1958.

Евреи! Любите друг друга, помогайте друг другу. Помогайте друг другу, даже если ненавидите друг друга!

Наша сила – в единстве, в нём залог наших успехов, наше спасение и процветание. Многие народы погибли в рассеянии, потому что у них не было чёткой программы действия и чувства локтя. Мы же, благодаря чувству коллективизма, прошли через века и народы, сохранились, приумножились и окрепли.

Единство – это цель, оно же и средство к достижению цели. Вот в чём смысл, вот к чему нужно стремиться. Всё остальное – производное, оно придёт само собой.

Помогайте друг другу, не бойтесь прослыть националистами, не бойтесь протекционизма – это наш главный инструмент. Наш национализм интернационален и поэтому вечен. В него открыты двери евреям всех национальностей, всех вероисповеданий, всех партий. Истинный интернационализм только тот, что кровными узами связан с еврейством, всё остальное – провокация и обман. Шире привлекайте людей, близких по крови, только они обеспечат вам желательную биосферу.

Формируйте свои национальные кадры. Кадры – это святая святых. Кадры решают всё! Кадры сегодня – это наше завтра. Каждая лаборатория, каждая кафедра,

каждый институт должны стать кузницей наших национальных кадров.

Готовьте еврейскую молодёжь принять эстафету поколений. Пусть каждое поколение не евреев сталкивается с нашей глубоко эшелонированной обороной. Каждый раз, когда со сцены уходит старшее поколение, на его смену должно встать ещё более мощная когорта заблаговременно подготовленных и окрепших молодых евреев. Для этого необходимо как можно раньше выдвигать на руководящие должности наших молодых людей, доказывая их зрелость и гениальность. Пусть пока это не так, они дозреют на должности. Кто у власти, тот и прав. Мы должны передать нашим детям больше, чем мы приняли от отцов, а те, сохранив и приумножив принятое, передадут его в свою очередь потомкам. В преемственности поколений – наша сила, наша стабильность, наше бессмертие.

Мир жесток, в нём нет места филантропии. Каждый народ – кузнец своего счастья. Не наше дело заботиться о славянских национальных кадрах. Если они не думают о себе, почему мы должны думать о них? Не берите пример со славян и арабов, которые живут созерцательно, надеясь на авось. Не ждите милости от природы – взять их наша задача.

Создавайте свои коллективы и этими коллективами выталкивайте не евреев. Помните: все высокооплачиваемые, влиятельные, прибыльные должности – всё это наш национальный доход. Помните, что каждый не еврей, выросший до нашего уровня, может занять место, которое могло бы принадлежать каждому из наших. Мы создаём коллективы для того, чтобы гои не мешали нам жить по-своему. Пусть гои пытаются создавать свои коллективы, вряд ли им это удастся, они перессорятся раньше, чем успеют сделать что-либо, а мы поможем им в этом.

Славяне не способны глубоко мыслить, анализировать и делать глубокие обобщения. Они подобны свиньям, которые живут, уткнувшись рылом в землю, не подозревая, что есть небо. Они воспринимают все явления слишком поверхностно, слишком конкретно, они не видят факты в их последовательности, в их связях, они не способны думать, обобщать и абстрагироваться. Для них каждый случай – только случай, как бы часто он не встречался.

Наша идеология в принципе противоположна идеологии гоев.

Они говорят: «Лучше меньше, да лучше». Мы говорим: «Лучше больше, да лучше».

Они говорят: «Лучше быть бедным, но здоровым, чем богатым и больным». Мы говорим: «Лучше быть здоровым и богатым, чем бедным и больным».

Они говорят: «Отдавать также приятно, как и получать», мы говорим: «Отдавать, может быть, приятно, но получать ещё и полезно».

Они говорят: «Сделай по закону – это твой долг». Мы говорим: «Сделай вопреки закону, и я тебя отблагодарю».

Они говорят: «Победить или умереть». Наш девиз: «Победа ради жизни, но жизнь ради победы». (К чему победа, если нет жизни? Горечь поражения нужно переждать – всё придёт к тому, кто умеет ждать).

Всё, что знают и умеют они, умеем и знаем мы. То, что знаем и чувствуем мы, им знать и чувствовать не надо. Всё, что они имеют – это их предел. Всё, что имеем мы – это наше средство к достижению большего. Все, что они имеют сегодня – это наше в их временном пользовании. Взять у них то, что нам завещано Богом – это наша задача.

Славяне упрямы, но они не обладают достаточным упорством в достижении цели. Они ленивы, поэтому

всегда спешат. Все проблемы они пытаются решать разом. Они жертвуют малым ради большой решающей задачи победы. Но такая победа либо не приходит вовсе, либо, побеждая, они оказываются у разбитого корыта. Мы исповедуем тактику малых побед, хотя и не против больших. Малая победа – тоже победа!

Славяне не умеют руководить, а также подчиняться. Они генетически саботажники. Славяне завистливые, они ненавидят своих собратьев, когда те выдвигаются из серой массы. Предоставьте им возможность разорвать этих выдвигенцев – они с удовольствием разорвут. Будьте всегда арбитрами, становитесь в позу миротворцев, защищайте «несчастных», против которых ополчается толпа, но лишь настолько, чтобы прослыть добрым и объективным. Немного выдержки, и вы займёте место того, которого только что растерзали. Когда двое славян дерутся – выигрывает еврей. Натравливайте славян друг на друга, возбуждайте и подогревайте в них зависть друг к другу. Делайте это всегда под прикрытием доброжелательности, незаметно и тонко. Пусть они дерутся между собой, вы же становитесь всегда арбитром.

Славяне не умеют жить и не умеют ставить перед собой задачи. Мы ставим перед ними эфемерные задачи. А они пытаются их решать.

Славяне не умеют просить, считая это унижением, а сами и без того унижены и бедны. Мы говорим: «Всякое унижение – благо, если оно даёт выгоду». Ради достижения цели можно унизиться, унижаться можно тоже с достоинством. Нет аморальных вещей, если они способствуют утверждению и процветанию нашего народа. Цель освещает средства.

Славяне глупы и грубы. Свою глупость и грубость они именуют честностью, порядочностью и принципами.

Неумение приспособливаться и менять своё поведение в зависимости от ситуации, отсутствие гибкости ума они называют «быть самим собой», «принципиальностью». Гои глупы и грубы настолько, что не умеют даже лгать. Свою примитивность и глупость они, опять же, называют честностью и порядочностью, хотя по природе своей они лживы и бесчестны. Свойственную себе примитивность они в древние времена называли варварством, в средние века – рыцарством, а позднее – джентльменством. Из-за пустых принципов они кончали жизнь самоубийством. Пусть они продолжают делать это!

Они ограничены в своих возможностях и поэтому ставят пределы всему. Мы же говорим: «Возможности человека беспредельны, так как он ведёт себя соответственно обстоятельствам!»

Постоянно помните о пределах, которые ставят себе гои, их мышление заскорузло в этих пределах. Они не способны выйти из них. В этом их несчастье, в этом наше преимущество. Говорите и поступайте так, как этого не допускает их мораль, как этого не допускают их понятия. Делайте то, что кажется им невозможным, невероятным. Они не поверят в то, что вы способны на слова и поступки, на которые они не способны.

Говорите и поступайте уверенно, напористо и агрессивно, обескураживающе и ошеломляюще. Больше шума и словесной мишуры, больше непонятого и наукообразного. Создавайте теории, гипотезы, направления, школы, методы реальные и нереальные; чем экстравагантнее, тем лучше! Пусть не смущает вас, что они никому не нужны, пусть не смущает вас, что о них завтра забудут. Придёт новый день. Придут новые идеи. В этом выразится могущество нашего духа, в этом наше самоутверждение, в этом наше превосходство. Пусть гои оплачивают наши векселя. Пусть ломают голову в поисках

рациональных зёрен в наших идеях, пусть ищут и находят в них то, чего там нет. Завтра мы дадим новую пищу их примитивным мозгам.

Не важно, что говорите вы, важно, как вы говорите. Ваша самоуверенность будет воспринята как убеждённость, амбиция — как возвышенность ума, манера поучать и поправлять — как превосходство. Крутите им мозги, взвинчивайте нервы! Подавляйте волю тех, кто вам возражает. Компрометируйте выскочек и крикунов, натравливайте самолюбие толпы на скептиков. В беседах и диспутах используйте риторические приёмы, которые находятся на грани приличия. Спрашивайте фамилию, место работы, должность сомневающегося и возражающего. Это, как правило, шокирует и запугивает их, и они ретируются. Требуйте ответов, а получив их, твердите, не анализируя по существу: «Это не так, это совсем не так!»

Если какой-нибудь умник попытается разоблачить вас, остальные не станут его слушать и осудят, потому что, разоблачая вас, он уличил их в глупости, а это толпа не прощает.

Если славянин попытается проявить себя, привлечь к себе внимание, создайте в этот момент больше шумовых эффектов, шаркайте ногами, вставайте и ходите, скрипите стульями, смейтесь, разговаривайте, мурлычьте что-нибудь под нос, кашляйте и сморкайтесь, перебивайте выступлениями, разговорами, шутками и т.п. Создавайте славянам массу мелких, раздражающих их неудобств, которые ими осознаются не сразу. Кладите предметы на их вещи, наступайте им на ноги, дышите им в лицо, разговаривайте вызывающе громко. Пусть они постоянно ощущают ваш локоть своим боком. Славяне этого долго выдержать не могут. Избегая скандалов, они уходят, освобождая вам

место... Особым шиком они считают хлопнуть дверью и уйти. Предоставьте им эту возможность! Вежливая наглость – вот наш девиз!

Обвиняйте в антисемитизме тех, кто пытается разоблачать вас. Клейте им ярлык антисемитов, и вы увидите, с каким удовольствием остальные гои подхватят эту версию. Вообще-то, все славяне антисемиты, но как только вы приклеите этот ярлык одному – он становится беззащитным, ибо все остальные кидают его нам в жертву и уничтожают своими руками. А мы поставим клеймо на следующую жертву.

Играйте на сердоболии славян. Изображайте из себя бедных и несчастных, вызывайте к себе жалость и симпатию, распускайте слухи о народе – вечном страдальце, о гонениях в прошлом и дискриминации в настоящем. Тактика «бедного еврея» проверена тысячами! Пусть славяне имеют меньше нас, всё равно они помогут иметь нам больше. Славяне любят быть благодетелями и покровителями, каждый нищий стремится быть благодетелем, ибо это возвышает. Великодушные у них тем больше, чем меньше возможность его реализовать. Возьмите от них то, что они могут дать: с паршивой овцы – хоть шерсти клок!

Преломляйте все явления через призму наших интересов, каждое явление должно рассматриваться обязательно с точки зрения вреда или пользы, которую оно несёт евреям! Информировать друг друга обо всём, что может представить нам вред или пользу. Информация – это святая святых! Деньги, кадры и информация – три кита, на которых зиждется наше благополучие!

Священная обязанность, долг каждого еврея поставить в известность другого еврея о том, что намереваются делать гои. Сегодня ты помог мне, завтра я помогу тебе – в этом наша сила.

Бог наш завещал нам владеть миром — мы им владеем. Наша задача — удержать мир в наших руках. Держите в своих руках средства пропаганды и информации: печать, радио, телевидение, кино. Нужно и далее проникать в аппарат партийного и государственного управления. Вокруг любого вопроса формируйте общественное мнение с учётом наших национальных интересов.

Из любого пустяка можно сделать проблему, а из проблемы — пустяк. Ни один общественный процесс нельзя пускать на самотёк. Если он не принесёт нам пользу, спускайте его на тормозах, или направляйте его против врагов наших — гоев. Любое начинание должны возглавлять мы, чтобы вести его в нужном направлении.

Будьте во всём лидерами, стремитесь быть всегда первыми! Воспитывайте в себе руководящий характер ежечасно, ежеминутно, даже на мелочах повседневной жизни. Не уступайте ни в чём, старайтесь не уступать даже в мелочах: будь то место в общественном транспорте или очередь в магазине.

В любом коллективе берите власть в свои руки и управляйте им в наших интересах. Административную и творческую часть производственного процесса должны выполнять мы. Пусть гои обеспечивают черновую, материально-техническую базу нашего торжества. Пусть они следят за чистотой рабочих помещений и охраняют плоды наших трудов. Пусть они будут не выше вахтёра и уборщицы.

К творчеству в виде исключения можно допустить гоев неславянского происхождения. Не допускайте к этому славян! Это всегда будет нам укором. И не бойтесь прослыть националистами: иллюзию интернационализма нам обеспечит наличие лиц смешанной национальности с примесью еврейской крови или, на худой конец, представителей нацменьшинств.

Если у вас есть вакансия – берите только еврея. Если не можете сделать этого, ликвидируйте должность. Если не можете сделать ни того ни другого – берите азиата. Если нет такого, берите поляка, украинца или, на худой конец, белоруса – у этих свои счёты с русскими. После небольшой обработки они станут вашими союзниками. Все они антисемиты только у себя на родине. В России им выгодней быть интернационалистами. Таким путём они обеспечат себе необходимую сферу существования. Используйте этот путь.

Не разрушайте открыто памятников русской старины, но и не восстанавливайте их. Пройдут годы, и они сами разрушатся. А хулиганы и «любители старины» их растащат по кирпичикам. Делайте вид, что не замечаете этого, будучи заняты решением больших народно-хозяйственных задач. Народ без истории, как ребёнок без родителей и из него можно вылепить всё, что необходимо, вложить в него своё миропонимание, свой образ мыслей.

Таким способом могут быть обезличены целые народы; сначала они лишаются истории и традиций, а затем мы формируем их по своему образу и подобию.

Держите под неустанным контролем каждый шаг влиятельных и перспективных славян. Не давайте им уединяться и объединяться. Не допускайте между ними никаких коротких и прямых связей, их контакты должны быть с нами и через нас. Это информация, это влияние. Не позволяйте им обсуждать никакие вопросы без нас. Там, где двое славян, должен быть хотя бы один еврей, будьте вездесущи!

Если не удастся блокировать и «засушить» молодых и перспективных славян, делайте их управляемыми. Привлекайте их в свои компании, создавайте вокруг них плотное кольцо еврейского окружения, лишайте их контактов и знакомств помимо вас. Вынуждайте их

жениться на еврейских женщинах и только после этого открывайте им «зелёную улицу». Не бойтесь, их дети всё равно будут нашими, чей бы бычок ни скакал, теленочек будет наш.

Помогая таким славянам, вы вносите вклад в дело нашей еврейской общины. Отныне их зарплата – наш национальный доход. Ради своих детей они потеряют свои «гражданские права», чувства и ум, во всяком случае, не смогут быть антисемитами. Сожительство с еврейской женщиной – это один из способов вовлечения талантливых русских в сферу нашего влияния и наших интересов.

Берите себе в жены красивых и здоровых славянских женщин, пусть они принесут нам здоровое потомство, пусть они улучшают нашу породу. Итак, каждому перспективному славянину – еврейскую подружку или друга. Если каждый славянин вытащит за собой хотя бы одного еврея – мы все будем устроены.

Давайте им взятки, дарите подарки, поите коньяком и водкой, а лучше казённым спиртом. За побрякушки и зелье они продадут всё и свою Родину тоже.

И последний совет. Будьте бдительны, испанская инквизиция и немецкий фашизм не должны повториться. Гасите в зародыше любые попытки противопоставить нас обществу, уничтожайте антиеврейские тенденции в самом начале, в каком бы виде они не возникли. Фашизм – явление не случайное, он возникает там, где мы недооцениваем стремление местного народа быть хозяином своей земли. Фашизм подспудно зреет во всех народах. На наше счастье разные народы приходят к нему в разное время и под разными названиями.

Скупайте, похищайте и уничтожайте, не допускайте к переизданию произведения, раскрывающие нашу тактику и стратегию, представляющие

евреев в дурном свете, народы гоев не должны помнить и знать фактические причины еврейских погромов и гонений. По этим вопросам они должны знать только нашу трактовку.

Особое внимание уделяйте непокорным, упрямым, которые не хотят склонить головы перед нашим превосходством, не хотят работать на нас и противодействуют нашей практике и политике. Из таких людей рано или поздно формируются антисемиты. Не позволяйте вырасти из маленьких антисемитов большим погромщикам! Пусть они в зародыше зачухнут с их упрямой идеей национального достоинства. Разоблачайте их, компрометируйте их под любым предлогом, по любому поводу, ополчайтесь против них всеми имеющимися средствами. Пока они одиноки, им не устоять против нашего коллективизма, против нашего натиска. Пусть они тысячу раз правы в своих мелочах – всё равно они виноваты, мешая нам.

Распространяйте против этих упрямец компрометирующие слухи, создавайте им сомнительную репутацию, в конце концов, их начнут опасаться те же, кто их поддерживает, кто хорошо знает, кто о них имеет прекрасное мнение и поддерживает их. Лишайте их связей и контактов, лишайте их возможности эффективно работать, ставьте под сомнение целесообразность выполнения ими работы и занимаемых должностей, изолируйте их, натравливайте против них толпу, лишайте их влиятельных позиций в обществе, провоцируйте их на конфликты. Унижайте их, игнорируйте их, обижайте несправедливостью поощрений и наказаний, а когда они протестуют – обвиняйте их в неповиновении, в нарушении субординации, неуживчивости и склочности.

Взывайте к общественности и администрации, тащите их в партком, милицию, если можно – в суд.

Если вы старше, обвиняйте в нарушении принципов почтения к старшим, если ровня по возрасту – обвиняйте в нарушении принципов братства и обязательно интернационализма. Эффективность этих приёмов проверена многими поколениями. Так поступают все, так называемые «эксплуататоры», побуждаемые необходимостью держать народы в повиновении. Главное обвинить. Пусть они оправдываются. Тот, кто оправдывается – уже наполовину виноват!

Если представляется возможность, подводите их поведение под политическую платформу, пишите на них доносы и анонимки, обвиняйте их в антиобщественном поведении и экономическом саботаже. Провоцируйте их на выступление против государственной власти, а затем уничтожайте с помощью государственной власти.

Право на привилегии и спокойную жизнь получает лишь тот, кто покорно следует за нами и вместе с нами. Тот, кто хочет идти своими независимыми путями – потенциально опасен и должен быть лишён всяческой поддержки и средств к существованию.

Либо наш порядок, либо полная дезорганизация. Там, где хотят обойтись без нас, должен быть хаос! Делайте так, чтобы беспорядок продолжался до тех пор, пока измученные гои, отчаявшись, не попросят нас взять власть в свои руки и обеспечить им спокойную жизнь.

Гои должны работать под нашим руководством и приносить нам пользу. Тот, кто не приносит нам пользу, должен быть изгнан. Вне наших интересов нет общественной пользы! Тот, кто не с нами – тот против нас! Око за око! Зуб за зуб! Так учил Моисей, так жили наши предки. Так будем жить мы. Месть – священное чувство, она воспитывает характер, утверждает человека. Исторгнийте из себя чувство покорности и смирения по отношению к нашим обидчикам. Лозунги

христианского милосердия, смирения, униженности и самоотречения оставьте глупым гоям — они достойны именно этого.

Среди гоев — проповедуйте, насаждайте христианские «добродетели», сами же оставайтесь непримиримыми в душе и твердыми. Будьте непримиримыми к врагам нашим! Если вы им простите малую обиду сегодня, завтра они нанесут вам большую. Не привыкайте к обидам сами и отбивайте у других охоту чинить её вам.

Пусть гои уговаривают друг друга осторожности, умеренности и гибкости по отношению к нам. Пусть они осторожно сдерживают наш натиск. Мы должны действовать решительно и быстро, ставя их всегда перед свершившимся фактом. Пусть они после этого ведут долгие, бесплодные дискуссии, против наших методов у них нет оружия. Пусть они волевым решением сделают одно дело, пока додумаются, договорятся и сделают это, мы свершим десять более важных дел. Пусть их сопротивление будет нам необходимым стимулом, но не тормозом. Их противодействие нам необходимо для поддержания боевого духа и готовности, но не более.

Никогда не ослабляйте натиск. Чем жёстче сопротивление гоев, тем значительнее наши издержки, тем выше должен быть наш доход и наши накопления. Наша сегодняшняя прибыль должна окупать возможные утраты в будущих погромах, которые время от времени происходят в каждой стране. Пусть гои сегодня платят за то, что где-то возьмут часть своего обратно.

Мы всегда должны быть готовы уйти от гнева и ненависти гоев, уйти туда, где нас примут в расчёте оживить экономику нашими капиталами.

Периодическая смена стран в поисках более благоприятных условий существования является частью нашей стратегии. В этом заключается символ «вечного

жида» – Агасфера – неиссякаемого оптимиста и вечного странника.

Но уйти мы должны, если надо будет, не бедными и больными, а здоровыми и богатыми. Деньги – это наши ноги.

Мы смещаем свой центр тяжести туда, куда предварительно переведены наши деньги, наш капитал.

Окрепнув материально в странах рассеяния, собрав с них свою дань, время от времени мы собираемся на земле своих предков для того, чтобы укрепить наш дух, наши силы, наши символы, нашу веру в единство.

Мы собираемся для того, чтобы снова разойтись. И так во все века.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Глава I	
П.Н. Милюков об «исконных началах» в русском государственном строе древнего и средневекового периодов истории Руси.....	9
Глава II	
Исконные начала русской жизни в новое и новейшее время в исторической концепции П.Н. Милюкова	50
Примечания	98
Приложение.....	105

Научное издание

Г. С. Креницкая

**Русское самодержавие
в творчестве П.Н. Милюкова:
к вопросу о законности власти**

Дизайн и верстка И. Нсчасв
Руководитель проекта И. В. Ивонин

Отпечатано в типографии ООО «Офсет центр»
634029, г. Томск, пер. Плеханова, 11
Тел.: (3822) 51-09-59
Подписано в печать 06.10.2017 г
Формат 60x84/16. Гарнитура «Times New Roman»
Бумага офсетная. Печать трафаретная.
Усл. печ. л. 6,97
Тираж 50 экз., г. Томск, 2017 г.

